

Сергей Николаевич Южаков

Англо-русская распря

Сергей Николаевич Южаков

Англо-русская распря

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22121232

Аннотация

«...Весь цивилизованный мир взволнован ныне ожиданием самых грозных событий. Готовится столкновение между Россией и Англией, и никто не может предвидеть ни исхода этого столкновения, ни возможного размера его, ни значения для остальных народов, ни вероятной роли, которая должна выпасть на долю этих народов. Вместе со страшными событиями, столь фатально и с такою роковою необходимостью надвигающимися на смущённый мир, надвигается и полная неизвестность будущего...»

Содержание

Введение	4
Что такое восточный кризис?	9
Англия на Востоке	19
Ещё об Англии на Востоке	33
Русское движение на Восток	51
Русское движение на Восток	62
Встреча соперниц. 1798–1885 гг	82

**Сергей Николаевич
Южаков**
Англо-русская распря.
Небольшое предисловие
к большим событиям
Политический этюд

Введение

Весь цивилизованный мир взволнован ныне ожиданием самых грозных событий. Готовится столкновение между Россией и Англией, и никто не может предвидеть ни исхода этого столкновения, ни возможного размера его, ни значения для остальных народов, ни вероятной роли, которая должна выпасть на долю этих народов. Вместе со страшными событиями, столь фатально и с такою роковою необходимостью надвигающимися на смущённый мир, надвигается и полная неизвестность будущего. Что принесёт это будущее? Что оно ниспровергнет и уничтожит, что породит и возвысит? На что надеяться, чего ожидать, к чему готовиться —

всё это вопросы, столь же тревожные и страшные, сколько и неразрешимые. *Ничего не гарантировано, и всё становится вопросом* – такова ужасная формула грядущих событий. Но неужели, – спрашивает изумлённый мир, – какой-нибудь клочок песчаной степи вроде Пенде, или даже ничтожный для таких необъятных империй как Россия и Англия культурный оазис вроде Герата, заслуживают подобной борьбы, подобных ожиданий и опасений? Неужели весь цивилизованный и нецивилизованный мир может быть взволнован и потрясён в его основах из-за подобных пустяков? Рисковать *всем*, идти навстречу полной неизвестности, приготовляться ко всяким последствиям, распространять всеобщую тревогу – и всё затем, чтобы решить вопрос о клочке территории, ничтожной по размерам, бедной населением, заброшенной в самую непроходимую глушь дикой, невежественной и нищей страны! Такие вопросы задаются всюду. С редким единодушием немцы, французы, австрийцы, мадьяры ставят эти вопросы. В Англии и в России не менее единодушно общество и печать делает тоже самое. Никто не желает войны, всеми почитаются поводы к ней ничтожными и бессмысленными, все опасаются её, и никто не надеется на неё, даже обе спорящие стороны, и тем не менее война надвигается, и усилия обеих сторон избежать её покуда разбиваются о какую-то роковую бессмысленную необходимость воевать. Но точно ли эта роковая необходимость так уж бессмысленна? Точно ли борьба затевается из-за Пенде, или из-за разногласия в

донесениях русского и английского генералов?

Конечно, искать *нравственного* смысла в кровопролитиях и взаимных разорениях культурных наций было бы напрасно, и с этой точки зрения всякая война бессмысленна, но исторический смысл таких крупных событий как столкновение двух мировых держав должен быть, и исторического бессмыслия в этом столкновении быть не может. Франко-германская война объявлена была из-за дипломатической щепетильности, но конечно её смысл исторический был в ином месте. Весь мир знал, что война эта будет, и что она неизбежна. Она и разразилась, а из-за чего она была объявлена – к историческому смыслу самого события ни мало не относится. Тоже и теперь. Весь мир, европейский и азиатский, давно ожидает этой войны и давно почитает её неизбежной. Она и будет. Сегодня ли, завтра, или ещё позже, из-за Пенде, из-за Кореи, из-за Босфора, или из-за дипломатической щепетильности, но она будет, – это все знают и чувствуют, хотя и не все высказывают, и не все сознаются. Ясно, следовательно, что не в Пенде и не в разногласиях двух рапортов следует искать смысла надвигающейся грозы. Исторический смысл событий вскрывается далеко не так просто, и его объяснение лежит даже не в одной политической истории сталкивающихся стран, а во всей совокупности их культуры, быта, истории, их исторических условий и задач.

Мировые войны (а предстоящая война должна быть и будет мировой в самом полном и точном смысле слова) име-

ют мировое значение и мировой смысл. Мировые причины управляют их течением, началом и окончанием. Мировые войны конца XVIII и начала XIX столетий имели такое значение и такой смысл в смене сил, управляющих судьбами цивилизованных народов и направляющих их историю. Франция явилась представительницею новых сил, потребовавших себе места и даже господства в мире. Третье сословие, буржуазия, капитализм – таковы были эти силы, и мировые войны той эпохи окончились торжеством новых сил, хотя их представительница, Франция, и понесла в конце концов военное и политическое поражение. Мировые войны, началом которых может быть предстоящая англо-русская, тоже не могут быть ни чем иным, кроме борьбы мировых исторических сил, мировых начал, принципов, общественных групп и интересов. Ими, этими мировыми войнами должна определиться снова общественная физиономия цивилизованного мира, направление его истории, ближайший характер его культуры. Буржуазный капиталистический режим, дошедший (в Европе) до самого крайнего выражения именно в Англии и притом именно в лице Англии перенёсший своё господство и в международные отношения, этот режим встречает в лице России страну не буржуазную и не капиталистическую, а построившую свою культуру на идее крестьянства; борьба между двумя мировыми колоссами поневоле явится борьбою между двумя режимами, проверкою их состоятельности и их значения и роли в будущем. В этом – смысл борь-

бы, и в этом же её причина, ибо обе страны, следуя каждая не более, как логике своей культуры и требованиям своей истории, пришли на Востоке в такое соприкосновение, что ужиться рядом не могут и, покуда не преобразовали своего внутреннего строя по образцу противника, не должны уживаться, не уживутся, как бы того государственные люди обоих государств ни желали. Как и каким путём дошли Россия и Англия до такого взаимного положения – этот вопрос и составляет предмет настоящего этюда.

Что такое восточный кризис?

Сущность восточного вопроса. – Европейская культура и прогресс. – Восточные культуры и цикличность. – Невозможность для Востока возобновить цикл и необходимость приобщиться к прогрессу. – Значение Англии и России в этом процессе.

В своей «Истории цивилизации в Англии» Бокль высказал убеждение, что цивилизованный мир культурных народов Европы и Америки дошёл до той степени развития и прогресса, когда губительные и разорительные украшения старых летописей, войны, становятся всё реже, всё невозможнее. И в самом деле, наблюдателю середины пятидесятих годов этого столетия и вправду могло показаться, что мир начинает питать сильное отвращение к войнам, и что ныне чрезвычайно трудно натравливать нации друг на друга. С 1815 г. до 1853 г. не было в Европе ни одной войны между её европейскими членами; война 1828 – 29 гг., ведённая между Россией и Турцией, была по Боклю столкновением между самыми отсталыми державами Европы; остальные войны были междоусобиями, борьбою партий или племён внутри государства. Наконец самая большая европейская война 1853 – 56 гг. вызвана опять-таки русско-турецкою войною, т. е. столкновением между самыми отсталыми европейскими державами. Все эти соображения тешили

английского мыслителя-гуманиста и заставляли его предвещать для Европы долгий мир и всё меньшую случайность войны! Увы! Предсказаниям этим не суждено было сбыться, и история четверти столетия, протёкшей со смерти Бокля, как бы взялась опровергнуть знаменитого историка. В 1859 г. вспыхнула война между Францией и Австрией, в 1860 г. – между северной и южной Италией, в 1861 – 65 гг. – война между севером и югом американской республики, в 1862 г. – турко-черногорская война, в 1863 – 64 гг. – польское восстание, в 1864 г. – мексиканская экспедиция, в 1864 – 65 гг. – датско-германская война, в 1866 г. – австро-прусская война, с 1866 по 1868 г. – критское восстание, 1870 – 71 гг. – великая франко-германская война, в 1875 г. – герцеговинское восстание, в 1876 г. – война между Турцией и славянскими княжествами, в 1877 – 78 гг. – между Турцией и Россией. и наконец с тех пор и по сие время мир постоянно живёт под гнётом ожидания большой европейской войны. Я не считал войн, которые вели державы в Азии, Африке и т. д., не указал на войны Англии с Китаем, Бирмою, Персиею, Абиссиниею, ашантиями, Трансваальскою республикою, Малаккою, Афганистаном, Египтом, Суданом, племенами Кафиристана, Гималаев и т. д., на войны России в Средней Азии и на Кавказе, на войны Франции в Алжире, Тунисе, Тонкине, Мадагаскаре. А между тем всё же и эти войны были ведены по крайней мере частью державами культурного мира. Но не говоря уже обо всех этих ежегодных и

обильных кровопролитиях, одни крупные войны последних тридцати лет унесли миллионы жертв, разорили громадное пространство земли, истратили миллиарды, собранные кровавым народным трудом. Такова та цивилизация, которую готов был гордиться Бокль; таковы те культурные нации, в которые готов был верить английский мыслитель! Впрочем, я вовсе не намерен лить бесплодные слёзы о людской испорченности и трогать читателя отвратительными картинами человеческого прогресса XIX в., а желаю в этом небольшом этюде, хотя немного уяснить – если не смысл событий, надвигающихся на нас, подобно какому-то тлетворному, но неотвратимому смерчу (так как в этих событиях нет человеческого смысла), то по крайней мере их причинное соотношение с другими историческими фактами и явлениями. Эти события, т. е. предвидимая Европою война между Россией и Англией, и будут предметом этого очерка, в котором я намерен осветить их по крайней мере настолько, чтобы каждый мог знать и видеть их место в ряду явлений современной истории.

Война между Россией и Англией, говорят, неизбежна; так по крайней мере говорят газеты Германии и Австрии, Англии и России. Я не знаю, неизбежна ли война в 1885 году (хотя и мне она представляется довольно вероятною), но я убеждён, что при современном культурном состоянии Европы, при принципах, руководящих иностранною политикою всех без исключения наций, эта война (или даже ряд войн)

рано или поздно неизбежна. Вся прошлая история двух государств, вся прошлая история Востока, того Востока, на котором они встречаются и сталкиваются, подготовила и создала положение вещей, при котором Россия и Англия превратились в двух соперниц, которым обеим вместе не может быть места в Азии. На первый раз это покажется парадоксом, так как известно, что Азия велика и обильна, и что если порядку в ней мало, зато места много. Однако, не надо забывать, что и Англия и Россия ходом истории взяли на себя задачу ввести в Азию этот «порядок», которого так мало, ну а насколько способны они вводить в Азию порядок (говоря высоким слогом «культуру»), насколько они готовы творить это дело мирно и дружно, – показал пример Турции, этого в сущности лишь небольшого уголка азиатского Востока! Поясню эти мысли обстоятельнее.

Европа гордится цивилизацией, культурой, прогрессом. Гордящиеся сыны общеевропейского культурного отечества и просвещённого века обыкновенно забывают при этом, что если известный *характер цивилизации и культуры* и составляет собственность и особенность Европы и XIX в., то этого уже никак нельзя сказать про «цивилизацию и культуру» вообще. И до современной европейской цивилизации, и наряду с нею были и существуют весьма многообразные типы старых культур, совершенно отличающиеся от европейской и развившиеся самобытно и независимо от европейской цивилизации. Ряд древних культур (Египта, Фини-

кии, Вавилоно-Ассирии, Иудеи, Ирана, классического мира) и ряд современных восточных культур (мусульманская, китайская, индостанская) представляют собою именно такое самобытное развитие оригинальных и вполне особенных культур. Здесь не место входить в характеристики этих различных типов человеческой культуры; для нас довольно будет помнить, что вообще все известные истории культуры, при всём своём многообразии, разнообразии и даже противоположности, могут быть подведены под две главные категории: культуры прогрессивные (научные) и культуры застоя и циклического развития (жреческие). Поставленные в скобках характеристики далеко не исчерпывают собою различия между ними и даже не дают причинного истолкования этого различия, но лишь намекают на наиболее распространённые признаки обеих категорий. Их можно бы было тоже назвать *свободными* и *деспотическими*, но и эта характеристика была бы неполна и относилась бы лишь к крайним выражениям обоих типов. Истолкования их различия надо искать гораздо глубже и преимущественно в международной истории стран, приобретших своей культуре способность прогрессировать, а не вертеться как белки в колесе. При известных условиях международных отношений цикличность исторического движения является неизбежною, и смена периодов развития, процветания, склонения, упадка и наконец падения представляется фатальною. При других условиях цивилизация лишь переживает от времени до времени кризисы

и находит в себе достаточно силы и живучести для продолжения прерванного кризисом прогресса. Такова могла быть классическая культура, но совокупность внешних условий её существования привела и её к типу циклического движения. Такова – ныне европейская цивилизация, и покамест нет основания предполагать, чтобы ей грозила в близком будущем серьёзная опасность. Европейская цивилизация прогрессивна. Не таковы были древние и сохранившиеся доселе цивилизации Востока. Много тысячелетий, гораздо дольше, нежели Европа, живёт Восток культурною жизнью, но во всё это долгое время, все многочисленные сменявшие друг друга и столь различные цивилизации не отличались способностью постоянного прогресса, все они были и ныне представляются культурами застоя, или циклического движения. Фатально и неизбежно наступает в истории каждой такой культуры момент, когда она начинает склоняться к упадку, государство разлагается, самая раса до известной степени вырождается. Дело кончалось обыкновенно появлением новой, свежей расы, покорявшей, порабоцавшей и истреблявшей старую расу и её культуру и начинавшей развитие сызнова. Новая раса, создавшая в свою очередь более или менее цветущую материальную (а иногда и духовную) культуру, более или менее могущественное государство, приходила опять к упадку, разложению, вырождению и даже вымиранию и т. д. Так шла история Востока тысячелетия, пока на Западе не выделился наконец из ряда подобных же культур тип про-

грессивной культуры. Как это случилось в Европе, и почему этого не случилось в Азии, – вопрос, конечно, весьма интересный, но сегодня нам не подлежащий. Для нашей цели довольно, что именно так, а не иначе произошло, и что пока Восток вертелся в своём заколдованном циклизме, Запад всё шёл и шёл вперёд и достиг наконец такой высоты материальной и умственной культуры, что борьба Востока с Западом (проходящая через древнюю, средневековую и даже частью новую историю) оказалась уже невозможностью. Запад мог задавить весь Восток с его сотнями миллионов жителей неизмеримым превосходством своей культуры. Тогда-то началась борьба уже не с Востоком, а из-за Востока: борьба Голландии с Португалией, Англии с Голландией и Францией из-за Индии, борьба Англии и Франции с Россией из-за Турции, соперничество в Средней Азии, Персии, Китае и т. д. Что же делал Восток, пока в течении столетий Европа раздиралась войнами из-за него, войнами, которые спасли его от полного покорения Европою? Что он делал? – Продолжал своё предопределённое, издревле установившееся историческое движение; различные его члены довершали цикл своей культуры. Этим путём постепенно одна культура за другой приходила к упадку, одно государство за другим теряло былое могущество, раса за расою вырождалась. В одной части Азии раньше, в другой позже, но в течении последних двух столетий повсюду старые восточные культуры завершили циклы своего развития, пришли к полному упадку, госу-

дарства к разложению заживо, господствующие расы к вырождению. В одном месте раньше, в другом позже, но повсюду в Азии наступила пора обновления; пришла повсюду пора старым культурам и государствам рухнуть и уступить место новым, но на этот раз повсюду это обновление прежним способом оказалось невозможным. Смена культур и рас новыми разбилась о неподвижность, наложенную на Восток Западом. Так Европа не допустила ни разу Турцию уничтожить номинальное государство Персидское, но она же не допустила падения и Турции в 1838 г. вследствие возмущения Египта. На индийские и индостанские движения наложила руку Англия, на среднеазиатские – интердикт был наложен Россией, на североафриканские – Францией и Англией. Таким-то путём весь обширный Восток очутился в совершенно новом историческом положении; его культуры сказали повсюду своё последнее слово, но сменить их новыми, которые возродили бы на Востоке жизнь и движение, не дозволено внешнею силою, и вот повсюду над Востоком господствует нечто политически, культурно и нравственно мёртвое. Труп Оттоманской империи, труп Персидского царства, полутруп Китая, а кругом и между – целая плеяда умерших, но сохранённых историей государственных мумий. Такова картина Востока. Атмосфера смерти, умерших культур, безжизненных государств, вырождающихся рас, – такова атмосфера восточной жизни от берегов Великого океана до берегов Средиземного моря. Всюду одна картина, один процесс то

умирающих цивилизаций, то уже мёртвых, но продолжающих существовать вопреки смерти и исторической логике. Но жизнь человеческая не умерла на Востоке, а если люди живут, то жизнь эта должна рано или поздно возродить и социальную и историческую жизнь. Восток, конечно, возродится и должен возродиться, а так как старый путь возрождения чрез смену рас, чрез нашествия, истребления и т. д. уже невозможен, то Востоку приходится искать другого исхода, и, по-видимому, ему остался всего один исход, хотя к нему и много путей. Этот исход: переработать свои культуры по типу прогрессивному. Но глубокая принципиальная грань лежит между этими типами, грань, трудно переходимая, и вот в её то переходе тою или другою частью Востока и лежит историческая сущность «восточного вопроса» или, как его с некоторых пор правильнее окрестили, – восточного кризиса. Восточный кризис заключается в переходе стран Востока от типа неподвижных культур к типу прогрессивному, причём вдобавок старые культуры пришли в полный упадок, а господствующие расы к вырождению, а частью и вымиранию (турки, персы).

Но если это, так сказать, – формула восточного кризиса, то осуществление её в разных странах весьма различно. Так, в Японии старая культура, войдя в общение с европейскою, нашла в себе достаточно жизненности для того, чтобы самой начать над собою работу пересоздания. Эта работа уже совершена русскою культурою, отклонённою татарщи-

ною от европейского типа к развитию по восточному типу и только в XVII ст. начавшую внутреннюю работу реформирования. В других странах, наряду с господствующей расой, преданной восточной культуре, существуют подвластные племена, склонные к прогрессу, и освобождением которых и совершается процесс возрождения Востока (пример – Европейская Турция). Наконец, в третьих странах новая европейская культура насаждается европейскими (т. е. английскими, французскими или русскими) завоевателями. Таковы процессы восточной истории, конечное значение которых одно и то же: приобщение Востока к западной культуре.

Но это конец концов. Начало же и середина отделены от него ещё целым морем человеческой крови и слёз. Россия и Англия с двух сторон нанесли и каждодневно наносят тяжкие удары старому восточному миру; с двух сторон они начали работу пересоздания восточной культуры по новому, более высокому типу, но конечно работа эта ими начата не ради Востока и вовсе не в его интересах. Собственная тысячелетняя история привела их к этой задаче и, приведя к ней, поставила не рядом для общего дела, а лицом к лицу для взаимной помехи.

Но как это случилось, и каким путём Россия и Англия силою исторической логики были приведены к задаче разрешения восточного кризиса?

Англия на Востоке

Коммерческие отношения Востока и Запада прежде и ныне. – Значение Востока для Англии. – Индия. – Рынки. – Сущность английских интересов на Востоке.

В прошлой главе я старался показать, в чём сущность восточного кризиса. Болезнь всего Востока от Китая до Турции – смерть восточных культур, разложение восточных политических сил, вырождение господствующих рас; болезнь эта периодически и неизменно повторяется в разных странах Востока во всё многотысячелетнее культурное бытие его, постоянно излечиваясь одним и тем же путём. Обанкротившиеся культуры низвергались и уничтожались силою; обессиленные политические тела разносились на части нашествиями; выродившиеся культурные расы истреблялись огнём и мечом; на место умершей культуры воцарялось варварство, которое и начинало сызнова свою историю, фатально повторяя те же этапы роста, процветания, упадка и разрушения. Но ныне ход всемирной истории наложил запрещение на последний фазис восточного цикла, разрушение заказано, а существование вопреки историческому смыслу и логике приказано; но как это могло произойти? Откуда явилась и народилась историческая сила, оказавшаяся в состоянии сказать «стой!» «великому и могучему» Востоку?

Эта сила – европейская цивилизация. Но почему же она,

наносся с одной стороны самые тяжкие и непоправимые удары азиатским культурам, с другой стороны охраняет их эфемерное существование и не позволяет завершиться естественному и столько раз уже повторявшемуся процессу? На этот вопрос я постараюсь хотя отчасти ответить с этой главе.

В то время, когда Европа была бедна и погружена в беспробудное варварство, Восток был не беднее, если не богаче, своего современного состояния. Он был богат своею материальною культурою, произведениями своего искусства и произведениями своей почвы. Это ныне столь жалкое в сравнении с западным восточное искусство казалось тогда полудикою Европе недостижимым идеалом. Персидские и индийские ткани, дамасская сталь, восточные драгоценности, южные плоды, – всё это возбуждало удивление средневекового Запада, всё это было предметом оживлённой торговли с Востоком. Торговля эта была источником процветания прибрежий Средиземного моря. Когда Васко да Гама открыл морской путь в Индию, тогда торговля перешла в руки атлантических наций. Торговля с Востоком обогащала нации; естественно, поэтому, что из-за неё началось ревнивое соперничество между нациями атлантического побережья. Португалия, Испания, Франция, Англия и Голландия вступили в состязание из-за первенства в заманчивой торговле с отдалённым Востоком, а более всего из-за индийской торговли.

Национальные антипатии, воспитанные прошедшею историею, питаемые невежеством, суевериями и вероисповед-

ными расколами, – всё это уже само по себе представляло слишком достаточно горячего материала, а тут ещё привошел элемент торгового соперничества на Востоке. Торговое соперничество выразилось в стремлении монополизировать сношения с Востоком (преимущественно с Индией), а для такой монополизации необходимо было прежде всего стать на Востоке твёрдую ногу в политическом смысле. Отсюда стремления к завоеваниям на берегах Индийского и Великого океанов и бесконечные войны между европейскими державами из-за владений в Индии. Сначала имели успех португальцы, которые и утвердились довольно прочно в Индии, но вытеснены они были оттуда голландцами после ожесточённых и кровопролитных войн. В этот же период появляются на индостанских берегах первые английские и французские фактории. По вытеснении португальцев из Индостана, возгорелась борьба за преобладание между Англией, Голландией и Францией. После целых веков кровопролитных и разорительных войн, Англия вытеснила своих соперниц с Ост-Индского полуострова и действительно захватила обладание берегами Индостана. Окончательно это было достигнуто в начале XIX века, во время наполеоновских войн; но пока шли эти столетия борьбы за главный рынок Востока, условия этого рынка и отношения его к рынку европейскому радикально изменились.

Европа шла вперёд, Восток стоял на месте или даже свёршал своё периодическое склонение к упадку. Вследствие

этого вышло то, что европейская культура не только догнала восточную, но скоро и окончательно оставила её позади себя. Произведения Европы оказались и лучше, и дешевле произведений Востока. Европа более не нуждалась в произведениях азиатского искусства. И если борьба в Индостане и вообще восточных водах возгорелась из-за стремления монополизировать торговлю произведениями Азии, то ныне это оказывалось совершенно излишним и бесполезным. Значение азиатского рынка вообще, а индийского в частности радикально изменилось. Европа стала нуждаться в этих рынках вовсе не для закупки на них и вывоза к себе необходимых и потребляемых ею произведений Азии, а для помещения на них собственных произведений, для сбыта продуктов собственной промышленности. Такой радикальный переворот произошёл, конечно, не вдруг, и наступил он не для всех европейских наций одновременно, не для всех в одной степени.

Англия первая почувствовала этот переворот в торговых отношениях Европы и Азии и первая воспользовалась им в свою пользу, т. е. в пользу торговых и промышленных воротил своих. Блестящие морские успехи в течение трёхсотлетней борьбы со всеми морскими державами континента обеспечили за Англией не только окончательную победу над своими соперниками в Индостане, но и вообще в европейских колониях на всём земном шаре. Таким образом, монополизируя в свою пользу торговлю с культурным Востоком,

Англия в тоже самое время монополизировала и торговлю с многими варварскими, полудикими и совершенно дикими побережьями. Торговля эта тоже представляла немалую выгоду, немалый источник обогащения для британских коммерсантов и мореплавателей; но тут условия были уже с самого начала радикально иные. Здесь с самого начала надо было являться с произведениями промышленности, продуктами собственной культуры и обменивать их на сырьё в виде металлов, слоновой кости, кож, произведений южной природы и, наконец, на человеческий товар, невольников. Здесь, на африканских, американских, австралийских и полинезийских берегах, Англия впервые вступала на тот путь экономического развития, по которому она пришла к современному наружному блеску односторонней культуры; в этих сношениях впервые вырабатывался будущий тип английских торговых сношений со всем миром, укладывающийся в формулу «купи дешёво сырой продукт, переработай его в произведение промышленности и возврати первоначальным производителям в тридорогую цену». Таким-то образом преобладание на море и успехи колонизационной английской системы натолкнули её на обращение к обрабатывающей промышленности не для удовлетворения собственных потребностей, но для эксплуатации других. Обогащаемая монополизированною торговлею с Востоком и экономической эксплуатацией колоний и варваров-соседей, споспешествуемая внутренним миром под сенью свободных и в своём роде об-

разцовых учреждений, недостижимая для нападения извне, Англия начала быстро развивать свою материальную и духовную культуру. Уже в XVII ст. английский гений поставил своё отечество во главе европейского прогресса, и с тех пор это почётное место, как в области умственной, так и материальной культуры, никогда не было потеряно островитянами Британии. Но это быстрое развитие материальной культуры требовало, чтобы и внешние отношения соответствовали внутренним, т. е. чтобы рядом с быстро возраставшими успехами национальной промышленности расширялся и сбыт её произведений. Англия начинала чувствовать потребность в обширных рынках, на которых она могла бы поместить продукты своей промышленности и закупить сырьё для переработки. Европа обставлялась протекционизмом, а в начале XIX ст., по мысли Наполеона, установилась так называемая континентальная система с целью подорвать английскую промышленность. Как опасно слишком беззащитно эксплуатировать собственные колонии – показал Англии пример североамериканских колоний, отложившихся от метрополии вследствие этой чрезмерной экономической эксплуатации. В таком положении, видя перед собой запертыми европейские рынки, потеряв главный колониальный рынок, английская промышленность обратила свои взоры на Восток. Доселе она приобретала владения в Индии с целью монополизировать в пользу своих купцов торговлю индийскими произведениями, теперь она должна была по-

заботиться о помещении своих собственных произведений под угрозой сильного торгово-промышленного кризиса, который в ту трудную для Англии годину мог стать роковым. Для прежней цели было довольно господствовать над прибрежьями; теперь надо было открыть внутренние рынки. После Англия поняла, что для этого вовсе не необходимо политическое завоевание страны, но тогда ещё она жила старыми традициями того времени, когда для *монополизации* торговли действительно было нужно политическое господство. Следуя этим традициям, Англия предприняла ряд завоеваний во внутренней Индии, и первая четверть настоящего столетия решила участь Индостана. Он был покорён, и рынок в 250.000.000 потребителей был открыт для английской промышленности и торговли. Совпадающие с этими событиями великие изобретения Уатта, Аркрайта и др., применивших пар и механический двигатель к мануфактурной и вообще обрабатывающей промышленности, двинули эту промышленность так быстро вперёд, что, как ни велик был индостанский рынок, британская промышленность оказалась в силах удовлетворить его запросам, заменив прежние предметы потребления новыми, английского изделия. Тысячелетия жила Индия культурною жизнью, переживая не раз эпохи упадка и процветания, силы и слабости, но через всю эту историю она пронесла нетронутую свою, в своём роде замечательную, материальную культуру. Она не только кормилась собственной пищею, но и прочие предметы потре-

ния она производила сама. Она одевалась в собственные ткани, которые своею красотою и добротностью славились далеко за пределами ост-индского полуострова и вывозились в страны Востока и Запада. Равным образом, металлические изделия, глиняная посуда, изделия из дерева, предметы роскоши и украшения, предметы искусства и т. д., всё это производилось самою Индией для собственных потребностей, а частью и вывозилось. Миллионы кустарей-ремесленников были заняты работою над этими производствами и снабжали сотни миллионов своих соотечественников необходимыми предметами потребления. В Индии, как известно, занятия наследственны, и тысячи каст распределяют между собою разные самые мелкие специальности. Тысячелетняя история освятила это деление и приспособила, в силу закона наследственности, каждую касту к её специальным занятиям. На такие же касты дробился и многомиллионный контингент кустарей, занимавшихся обрабатывающею промышленностью. Но вот вторглись на индийский рынок английские продукты. Машинное производство, применение пара, усовершенствованные способы химические и механические, – всё это понизило цену английского товара до размера, по которому индостанские кустари не могли уже производить свои предметы. Английский товар начал быстро вытеснять туземный; дешевизна была в его пользу. На Индию обрушился ужасный беспримерный кризис; особенно жесток и пагубен он был для касты ткачей. Эта некогда богатая, про-

цветающая каста, одевавшая в свои произведения не только 250 миллионов своих соотечественников, но и выслывавшая их за пределы Индостана, считала в своей среде несколько миллионов членов. На неё первую обрушилось новое отношение рынков Англии и Востока; английские ткани, внезапно и в самой метрополии удешевлённые изобретениями Уатта и Аркрайта, нахлынули в Индостан и, понизив сильно цены на мануфактуры, сразу оставили всю касту без работы и хлеба. Ужасно это выговорить, но это факт, записанный в летописях истории: каста ткачей умерла с голоду. Это было в начале XIX века. Весь мир (и сама Англия) содрогнулся от этого мора волею английской торговли, от этого истребления голодом в течение полугода несколько миллионов недавно богатых, трудолюбивых и искусных кустарей-ремесленников. Трагическая судьба индийских ткачей слишком громка, слишком ужасно рельефна, но она была только началом. В таких размерах, правда, бедствие больше не разражалось, но каждое новое удешевление различных продуктов английского производства, удешевление, создаваемое быстрыми усовершенствованиями, подрывало шаг за шагом то одно, то другое туземное производство и не так эффективно, но не менее верно истребляло касту за кастой. Таким-то путём весьма быстро вслед за политическим подчинением Индостана, последовало его полное экономическое порабощение. Четверть миллиарда жителей Индо-Британской Империи стали одеваться в английские ткани, есть из английской

посуды, резать английскими ножами, охотиться английскими ружьями, пилить английскими пилами и т. д. и т. д. и всё это получать на английских же кораблях!

Значение индийского рынка для Англии этим выясняется само собою. На индийском рынке англичане закупают хлопок, шёлк-сырец, и др. сырьё, всё это перевозят на родину на английских судах, у себя дома перерабатывают в предметы потребления и возвращают Индии. Таким образом, Индия содержит весь тот английский коммерческий флот, который возит эти предметы взад и вперёд; она содержит те миллионы британских рабочих, которые работают на английских фабриках над предметами индийского потребления; и она же выплачивает (пополам с этими английскими рабочими) прибыль английским фабрикантам, негоциантам, арматорам. Во что всё это обходится Индии, и сколько получает Англия из своих индийских владений – можно себе составить некоторое понятие и из этого беглого очерка. Правда, содержа несколько миллионов английских рабочих и матросов, Индия, взамен того, перестала содержать те миллионы своих соотечественников, бывших кустарей-ремесленников, которые вымерли с голоду... Кислое утешение!..

Покорив индийский рынок, Англия не могла на этом остановиться, так как с размножением населения британского острова, с быстрым умножением капиталов и со столь же быстрым прогрессом усовершенствований производство продолжало свой рост. Индийский рынок оказался уже те-

сен; Англия начала систематически расширять его. Турецкое господство стёрло в странах Леванта следы прежней культуры, которая способна была бы дать некоторый отпор английскому товару; договоры же с Турцией, заключённые частью раньше, частью же в XIX ст., открыли свободный доступ английской торговле, и скоро Англия могла уже считать тридцатимиллионное царство османов своею экономической данницею, своим рынком. Отсюда уже, с начала XIX ст., политика систематического охранения оттоманского господства, как наиболее благоприятного для поддержания в стране экономической отсталости. Уже в 1828 – 29 гг. Англия обнаружила ту же политику, которая в 1853 г. привела к первой восточной войне, а затем ещё недавно грозила новой войною в 1878 г. Но об этом я буду подробнее говорить в одной из последующих глав, а теперь будет довольно указать на тот важный факт, что пример экономического покорения левантского рынка, без покорения политического, мог многое выяснить английскому правительству. Он мог показать и доказать, что для экономического порабощения и эксплуатации вовсе нет надобности в политическом подчинении страны. Варварские и полуварварские правительства, в соединении со свободою торговли (читай: свободой эксплуатации), лучше обеспечивают экономическое порабощение, нежели завоевание, так как надёжнее увековечивают культурную и экономическую отсталость.

Действительно, во второй четверти нашего столетия заме-

чается поворот в английской колониальной и восточной политике. Если с одной стороны, мы ещё и замечаем старые традиции, выразившиеся в довершении покорения Индостана, в попытке покорения Афганистана и в разных других присоединениях, то с другой стороны, выступает впервые и политика принудительного открывания рынков без завоевания. За это время Англия силой оружия открывает рынки Японии, Китая, Персии, Бирмы, Сиама, но экономическое покорение этих рынков оказалось далеко не одинаково легко. Если и не трудно было захватить рынки Персии, индокитайских государств, Афганистана, то совсем иначе дело оказалось в Китае и Японии, где старая культура вступила в борьбу с пришлецами. Особенно сомнительною оказывается борьба в Японии, где туземная цивилизация начала быстро входить в общение и сближение с европейскою и обещает здоровый прогресс. Что касается Срединной Империи, то хотя впервые англичане принудили китайцев открыть торговые сношения ещё в сороковых годах, но только со второй китайской войны, в конце пятидесятых годов, китайский рынок со своими 400.000.000 потребителями действительно открылся для английской промышленности. Рынок этот уже и теперь приобрёл для англичан серьёзное значение, но конечно далеко не в такой мере, в какой это могло бы случиться, если бы удалось и тут как в Индии уморить с голоду десятки миллионов кустарей-ремесленников, заменив все их произведения английским товаром; но удастся ли это —

покажет будущее. Наконец, в 60 годах проникли английские товары в Среднюю Азию через Кашмир, так что и эта страна уже числится в списке английских рынков на Востоке. А что значит для Англии рынок, – я более подробно пояснил на примере Индии, этого пока главного рынка английской индустрии; в меньшем размере, но те же соображения применимы и ко всем остальным «рынкам».

Весь непокорённый европейцами Восток представляется для Англии какою-то особою системою «рынков», обязанных содержать тот – столько-то миллионов англичан, другой – столько сотен тысяч, а этот третий – даже просто несколько тысяч, а все в совокупности обязаны доставить англичанам средства для английского комфорта.

Известно, что Англия добывает у себя, на своей почве, продуктов далеко менее, нежели необходимо для прокормления её населения, но тем не менее это население кое-как прокармливается, а культурные классы живут в таком богатстве и окружены таким комфортом как нигде в мире. Обилие капиталов в Англии изумительное, несмотря на роскошную жизнь её культурных классов, несмотря на громадные затраты на украшения страны. Откуда всё это? Всё это разница между покупною ценою сырого продукта на иностранных рынках и ценою обработанного продукта, возвращаемого его производителем, а главная часть этих рынков именуется Востоком. Восток кормит миллионы английского населения, Восток доставляет ежегодно громадные средства,

проживаемые англичанами среднего и высшего класса, и на которые они обставляют себя таким блеском и комфортом.

Однако, корень этого эльдорадо лежит в экономической отсталости Востока. По-видимому, англичане это понимают. Отсюда их охранительная политика на Востоке, заключающаяся в сопротивлении всякому расширению европейского господства, всякому возникновению какого-либо нового даже восточного могущества, всякому освобождению способных к культуре и прогрессу племён. Конечно, первая сторона задачи представляется для Англии наиболее важной, и тут она ревниво бережёт Восток.

Ещё об Англии на Востоке

Resumé английских восточных интересов. – Чем они обеспечиваются? Что им угрожает? – Определение английской восточной политики. – Значение её для Востока. – Значение её для самой Англии. – Заключение об Англии.

В прошлой главе я указал на главные моменты в истории английских восточных отношений, на штандпункты¹ английских восточных интересов. Сохранение и расширение рынков английской вывозной торговли, – такова руководящая нить английских восточных интересов. Производя громадное количество изделий промышленности, совершенно не соответствующее собственной потребности, прокармливая миллионы своих рабочих, обогащая свои средние классы и держа свой громадный коммерческий флот сбытом этих изделий на рынках Востока и закупкою сырья на этих рынках для обработки, – Англия самым жизненным образом заинтересована в охране этих рынков, в их удержании за английскую торговлю. А постоянно расширяя своё производство – она не менее жизненно заинтересована в возможности расширения сбыта, в открытии новых и окончательном завоевании прежних рынков. Мы видели, что именно в этом направлении развивалась английская восточная поли-

¹ точка зрения (*нем.* Standpunkt)

тика в XVII–XIX вв. Рядом войн с европейскими державами (Россией, Францией, Голландией) Англия старалась предохранить уже добытые рынки; рядом войн с восточными державами (Персией, индусскими и индокитайскими государствами, афганцами, Кашмиром, Китаем, Японией, африканскими племенами и т. д.), она открывала себе новые рынки. Такова её политика, определяемая в высшей инстанции интересами её промышленности и торговли. Но чтобы выяснить себе детали этой политики, её выражение в истории нашего века, необходимо рассмотреть обстоятельнее ряды исторических сил и течений, содействующих и противодействующих задачам английской восточной политики. Это я и постараюсь сделать теперь.

Задача эта – обеспечить сбыт изделиям английской промышленности на рынках Востока, иначе говоря, заставлять жителей этого Востока потреблять английские товары, привозимые на английских кораблях, одеваться в английские ткани, сражаться английским оружием, щеголять английскими украшениями, работать английскими инструментами, есть из английской посуды и т. д. Что нужно для того, чтобы обеспечить это полное господство английской промышленности? Прежде всего, конечно, необходимо иметь право ввозить товары на рынок, необходимо, чтобы это право было осуществлено без затруднений и в полной безопасности, словом – право свободной торговли и страх перед англичанами, строго и беспощадно карающими за малейшее нару-

шение этой свободы. Этому Англия достигает силою оружия, которое заставляет варварские правительства Востока уважать и бояться царицу морей и волею-неволею предоставлять её сынам совершенную свободу торговать и эксплуатировать своих подданных. Но таким путём добывается только «право» на свободную эксплуатацию жителей той или другой страны Востока. Право это, однако, нужно осуществить, а осуществимо оно лишь при известных условиях внутренних и внешних отношений страны – условиях, которые таким образом и являются истинным обеспечением господства на рынках, а следовательно, и должны быть главным предметом заботливой английской политики. Первым, конечно, условием является состояние местной туземной обрабатывающей промышленности. Это состояние должно быть настолько несовершенно, чтобы изделия туземной промышленности не могли ни в каком случае конкурировать с английскими товарами. Громадные успехи машинного производства, в связи с применением пара и другими техническими усовершенствованиями, позволяют англичанам производить товары по такой цене, по которой ремесленники Востока, конечно, не могут. Поэтому, отсутствие местных капиталов для затраты на местное фабричное производство и неумение воспользоваться ими, если бы и были, ведёт повсюду на Востоке к тому, что конкуренция туземного производства нигде не опасна Англии, и британские товары нуждаются только в одном – в возможности свободно и безопасно проникнуть

на восточный рынок, чтобы вслед за тем подорвать местное производство и заменить его продукты изделиями собственной промышленности. Конечно, делается это не сразу, нужно приноровиться к потребностям и вкусам нового рынка, но англичане уже привыкли к этому приспособлению и достигают его довольно скоро. Таким образом, первым условием успехов английской восточной политики является экономическая и культурная отсталость стран, составляющих коллекцию британских рынков. Эта же экономическая и культурная отсталость, т. е., попросту, бедность и невежество, надёжнее всего обеспечивается существованием варварских и деспотических правительств настоящего Востока. Эти правительства достаточно слабы, чтобы дрожать перед Англией, и чтобы Англия могла во всякую минуту принудить их уважать свободу торговли; эти правительства достаточно тяжелы для своих народов, чтобы мешать всякому прогрессу и гарантировать англичанам экономическую и культурную отсталость многочисленных населений, предназначенных потреблять английские товары и содержать английский комфорт и блеск.

Но не одна туземная промышленность может явиться конкурентом английской на восточных рынках. Гораздо опаснее промышленность других европейских государств; так действительно было, пока Англия своею прежнеею монопольною торговою политикою не обеспечила полное первенство за своею промышленностью. В настоящее же время, при изу-

мительном обилии капиталов в Англии, довольствующихся самыми сравнительно небольшими процентами, при громадных уже затраченных капиталах в форме готовых фабрик, заводов, железных дорог, коммерческого флота и т. д., при замечательной энергии и искусстве английских предпринимателей, Англия не особенно опасается конкуренции других наций, лишь бы условия их торговли не были более благоприятны, нежели её условия. При равных же условиях англичане могут безбоязненно встречать конкуренцию. Старая опытность, умение приспособляться к потребностям и вкусам восточных населений в связи с вышеуказанным превосходством английской экономической культуры, – доставили бы им всё-таки все шансы к торжеству при конкуренции даже на «равных» условиях. Вдобавок, почти нигде этих равных условий не существует; всюду англичане имеют преимущество. Во-первых, потому, что они имеют всюду собственные колонии, как складочные пункты, исходные пункты, а часто даже и место торговли с соседними странами. Во-вторых, они обеспечили всюду целым рядом войн безопасность своим купцам и товарам; другие нации должны ещё это обеспечить, так как мало заключить договор с варварским правительством о свободе торговли, нужно заставить его уважать, а для этого опять-таки необходимо иметь опорные пункты в виде колоний и колониальных войск, нужно иметь достаточно грозный флот. В третьих, англичане всюду «уже» проникли, другим нациям нужно ещё проникать и т. д.

Одно, чего англичане могут опасаться, – это создания для других наций более благоприятных условий на известном азиатском рынке, что может, например, произойти при завоевании рынка европейскою державой, которая может установить ввозные пошлины на иностранные товары, или на прим., при проложении какою-либо нациею более короткого или более дешёвого пути на рынок, пути, который был бы недоступен англичанам. Вообще, охранение добытых преимуществ сравнительно с другими нациями и противодействие приобретению подобного преимущества кем-либо кроме Англии, – такова эта часть задачи английской политики.

Сводя ныне ряд благоприятных и неблагоприятных для целей английской восточной политики условий, получим приблизительно следующий список:

- свобода торговли на восточных рынках, т. е. беспошлинность и совершенная безопасность. То и другое обеспечивается силою оружия; посему:

- сохранение превосходства этой силы, обеспечиваемое господством на море, обширною колониальною системою с широким распространением повсюду колониальных войск и слабостью восточных правительств;

- экономическая и культурная отсталость восточных наций, называемых по-английски «рынками», а эта отсталость обеспечивается надолго господством варварских пра-

вительство;

- сохранение перед европейскими конкурентами преимуществ, даваемых господством на море, колониальной системой и обаянием английского имени на Востоке;

- противодействие всякому такому шагу европейской державы, который бы мог создавать в ущерб англичанам какое-либо преимущество для сбыта неанглийских товаров.

Таковы естественные и нормальные штандпункты английской восточной политики, вытекающие из рассмотрения сил и элементов, содействующих и противодействующих распространению английских изделий на восточных рынках.

В этом обзоре задач английской восточной политики сами собой наметились и средства, заключающиеся в поддержании варварских правительств Востока, как представляющих гарантию слабости перед Англией и гарантию экономической и культурной отсталости, но главным образом в сохранении того преимущества, которое даётся Англии перед Азией и Европою (если бы сия последняя пожелала войти в союз с первой) и бесспорным господством на море и колониальной системой, раскинувшею свои сети вокруг всего Востока с Индо-Британскою империей в центре. При английском господстве на море ни одно восточное государство не может рассчитывать на какую-либо помощь из Европы против Англии, не может бравировать Англию в надежде на европейские дела и отношения. Каковы бы ни были эти отно-

шения в Европе, восточные государства не могут получить отсюда помощи и всегда будут задавлены Англией, господствующей на море и обладающей на самом Востоке значительными военными силами в колониях и вполне грозным могуществом в Индостане. Таким образом, господство на море, обеспечивающее за Англией возможность беспрепятственной торговли в случае европейской войны, даже в случае европейской коалиции, вместе с тем отдаёт во власть Англии весь Восток. То же и об Индостане.

Являясь важнейшим и самым прибыльным восточным рынком Англии, Индо-Британия вместе с тем обеспечивает политическое влияние на Востоке, а следовательно и обладание остальными восточными рынками.

Господство на море и господство в Индии, – этими двумя терминами может быть вкратце резюмировано всё то, что необходимо сохранить англичанам для экономического господства на восточных рынках. Оба эти фактора английского владычества на Востоке создали своим вековым существованием третий, не менее важный: обаяние английского имени, боязнь пред несокрушимую силу Британии. Этот английский «престиж» на Востоке сдерживает варварские правительства от постоянных попыток нарушать торговые договоры, т. е. избавляет англичан от необходимости постоянно сызнова добывать уже добытое. А все три основы английского господства на Востоке (флот, Индия, престиж) служат уже для экономического порабощения Востока двумя способа-

ми: или политическим завоеванием (Индостан, часть Индокитая, Келат, Малакка и т. д.), или сохранением варварских правительств, и с ними политической слабости страны, экономической и культурной отсталости, в соединении со свободой торговли.

Таково краткое резюме задач и средств английской восточной политики. Бросим теперь беглый взгляд на те последствия, которые создала трёхсотлетняя колониальная и торговая политика Англии как на Востоке, так и у себя на британском острове. Долго останавливаться на этом вопросе здесь не место, но указать на главное направление исторического движения, создаваемого английским действием — не мешает.

Англия застала Восток на полном ходу к упадку. Об этом периодически повторяющемся процессе восточного исторического движения, об этом предопределённом (местными историческими условиями) циклизме восточной истории я говорил уже в первой главе. Там же я указал, что последнее появление Запада на Востоке совпало с периодом склонения восточных политических тел, упадка восточных культур, вырождения господствующих рас. Повсюду приближалась пора обновления восточной истории новыми расами. Но этот процесс обновления был остановлен могуществом Запада, который воздвигся против политических перемен на Востоке. Представителем Запада и тут как и в экономических отношениях явилась, главным образом, Англия; она восстала

против перемен; ей был выгоден настоящий строй восточных отношений. Таким образом, она, в соединении с Россией (о чём речь впереди), остановила процесс обновления Востока чрез возрождение варварства и низвержение старых восточных культур. Но, удерживая сверх срока старые выродившиеся культурные расы во главе политических полумёртвых тел Азии, Англия вместе с тем наносит тяжкие удары старым культурам, более тяжкие, чем то может сделать какое угодно нашествие варварской орды. Орда истребит господствующие классы, выжжет культурные земли, разрушит города, но затем, основавшись на дымящихся, залитых кровью развалинах былой культуры, она сама потребует себе не только хлеба, но и одежды, оружия, посуды, украшений и т. д., а покорённая культура начнёт постепенно свой процесс возрождения. Англия же, разгромив силою оружия правительство восточного государства, оставляет его при власти, но затем уничтожает совершенно местную промышленность и разрушает до основания всё здание древней материальной культуры, не оставляя даже зародыша для нового развития. Все старые культуры Востока клонились уже к упадку в течение последних двухсот лет; все они ждали только удара извне, какого-нибудь нашествия, чтобы рухнуть и уступить место новым историческим комбинациям. Эта внешняя сила пришла на этот раз не из недр самого Востока как прежде, а с Запада: тяжкие политические удары нанесла она Востоку, но в покорении его остановилась. Эта сила, вместо того,

чтобы последним ударом довершить падение, приуготованное всею предыдущею историею государств Востока, сделала нечто совершенно новое; она одною рукою валила на землю, а другую поднимала и ставила на прежнее место, да ещё заказала и всем касаться этих политических трупов. Но это только по-видимому; в сущности же начался процесс полной руины старых восточных культур, руины, из которой нельзя уже будет подняться старым, тысячелетиями освящённым путём. Нужны новые пути, нужен прогресс вместо заколдованного циклизма, нужна наука вместо фанатических верований, нужна гражданская жизнь вместо деспотизма. Об этом я уже говорил в первой главе; теперь же я хотел только указать, каким путём английская восточная политика вернее всякого нашествия подрывает старые культуры в то время, как охранением политических status quo препятствует возникновению новых культур или обновлению старых новым прогрессивным духом. Status quo Востока, т. е. status quo деспотизма, невежества, фанатизма, бедности и культурной отсталости, делает невозможным приобщение восточных населений к европейской истории, мешает прогрессу этих стран, но с другой стороны возрождение самобытных восточных культур становится невозможным, как вследствие вырождения господствующих классов, охраняемых Англией от замены новыми, так и вследствие руины материальной культуры торговою политикою Англии. Такого положение, создаваемое для Востока английскою восточною политикою, кото-

рая, с одной стороны, в корень разлагая старые культуры, делает невозможным всякий другой выход, кроме приобщения к прогрессивной цивилизации, а с другой полагает препятствие этому исходу охранением status quo, не допускающего прогресса.

Положение Востока, создаваемое этою политикою, весьма трагично, но не менее трагично оно и для Англии. Трёхсотлетняя торговая политика руководителей Британии привела её к тому, что она живёт и богатеет не на собственный счёт. Для того, чтобы продолжать свою жизнь в этом виде, в каком она сложилась в наше время, Англия должна самым беспощадным образом эксплуатировать более слабые нации всех пяти частей света. И всё это зависит от господства на море, от господства в Индии. Пошатнулось первое, поколебалось второе, – и Англия, эта богатая, просвещённая Англия, гордость и слава современного человечества, – без куска хлеба, полный банкрот. Английская торговая политика не обогатила народной массы, которая находится в состоянии пролетариата, не однажды описанном со всеми ужасами, бедствиями, нищетою и необеспеченностью, не однажды выставленном гуманистами для поучения «культурного» мира. Но если народная масса Англии не обогатилась от восточной и колониальной политики Сен-Джемских «кабинетов», то это уже никак нельзя сказать про средние и высшие классы нации. Громадные богатства стекались и стекаются в сундуки этих классов со всех стран света, где только положится

в море английский корабль, и развеивается по ветру английский флаг. А куда не проник этот корабль? И где не видели ещё этого флага? Средние и высшие классы разбогатели и продолжают богатеть от английской торговой политики. Это продолжает с каждым днём всё шире и шире раздвигать пропасть между массой английского пролетариата и этим *élite*² английской нации, поражающим мир невиданным ещё контрастом бедствий пауперизма³ с роскошью, блеском, комфортом средних и высших классов, совершенно недоступными даже самой богатой из континентальных – французской буржуазии, не говоря о других. Этот контраст не есть только последствие торговой политики; вместе с тем, он является её агентом, одним из производящих её элементов. Переводя этот контраст на язык политической экономии, мы должны будем сказать: английская нация для удовлетворения своих потребностей выносит ежедневно известную покупательную силу, выражаемую столькими-то миллионами фунтов стерлингов, но эта покупательная сила распределена далеко не равномерно между её обладателями. Громадное большинство выносит лишь столько (и то не всегда), сколько необходимо для пропитания, прикрытия себя какою-либо кровлею, какою-либо одеждою. Другая же часть нации, меньшинство, *élite*, культурные классы (зовите её как хотите), выносит на рынок ежедневно громадную покупательную

² *фр.* – элита

³ *англ.* – обнищание

силу, направляемую для удовлетворения потребностей комфорта, наклонностей к роскоши и блеску, прихотей и т. д. Рынок должен доставить таким образом, предметов первых потребностей на сумму, положим, равную 3 №, а предметов роскоши на сумму 2 №, всего значит спрос на сумму 5 №; но сама Англия могла бы у себя дома, никого не эксплуатируя, произвести всего 4 №. Где взять пятый №? Его берут двояким путём: во-первых, стараются его выжать посредством торговли с остальными нациями, во-вторых, что не хватает, берут из тех трёх №, которые спрашиваются первыми потребностями, т. е. пролетариатом. Словом, если в какой-либо год английский рынок невыручит до 5 № для удовлетворения заявленного в таком размере спроса, то эта невыручка прежде всего раскладывается не на потребностях комфорта и роскоши, а на первых потребностях. Это и понятно: невыручка для англичан значит недосбыт, т. е. кризис известной отрасли промышленности, оставляющий известное количество рабочих без работы или понижающий заработную плату.

Но этого мало. Необходимость выручить лишний № влечёт фатально англичан не только к удержанию status quo, но и к новым экономическим завоеваниям для лучшего обеспечения сбыта; а это расширение экономического господства вызывает в свою очередь увеличение производства, прибавляет ещё новый камешек к этой вавилонской башне английской культуры, которая, чтобы держаться, должна давить

как своих строителей, английских рабочих, так и доставляющие средства для постройки населения восточных стран. Но, поднимаясь выше и выше, вся сложенная из взгромождённых в течении столетий камешков, без заранее обдуманного плана и симметрии, эта новая вавилонская башня должна же когда-нибудь и пошатнуться. Что она погребёт под своими исполинскими развалинами? Будет ли это только односторонность английской культуры, или сама эта заслуженная и великая культура, которой Европа и всё человечество так много обязаны?

Чтобы нагляднее показать, насколько именно распределение покупательной силы в Англии вызывает необходимость цепко держаться старой торговой политики, я представлю читателям маленькую гипотезу. Мы предположили, что весь ежедневный спрос Англии на собственном рынке равняется 5 №№, из которых только четыре покрываются собственным доходом, и только три соответствуют первым потребностям, 2 идут на предметы роскоши и комфорта, причём один № (из этих двух) извлекается эксплуатацией заграничных рынков, а в случае недобора пополняется сокращением тех 3 №, которые идут на первые потребности. Таково современное положение при неравномерном распределении покупательной силы; предположим теперь, что покупательная сила распределена равномерно. Является ли тогда необходимость эксплуатации чуждых наций? Конечно, эксплуатация и при этих условиях возможна, так же как и стремле-

ние к ней, но во-первых, она является вовсе не повелительной необходимостью, и её сокращение не произведёт ничего трагического. Немного сузится комфорт всех одинаково, вот и всё. Впрочем, далеко не всё: главное произойдёт во внутренних отношениях производств. В самом деле, посмотрите что произойдёт. Если теперь первые потребности спрашивают предметы потребления в размере 3 №, то это вовсе не потому, чтобы они удовлетворялись таким снабжением, но единственно потому, что на большой спрос нет покупательной силы. Потребности массы не удовлетворены, но распределите равномернее покупательную силу, и спрос на предметы первой необходимости поднимется. Они будут спрошены уже не в размере 3 №, а 3Г или даже и того больше. А что значит большой спрос? Он означает необходимость направить на это производство большую рабочую силу. Теперь эта сила занята производством тканей для Индии, тогда она занялась бы или хлебом для англичан или же если и тканями, то для них же. Тоже относительно умеренного комфорта. Словом, перераспределение покупательной силы между потребностями влечёт за собою перераспределение рабочей силы между производствами, сообразно изменившемуся спросу; и кто знает, были ли бы в Англии лишние руки (а следовательно и лишние желудки) при более равномерном распределении покупательной силы между потребностями? Англия может прокормить, по агроному Гаспарену, до 200 миллионов жителей при рациональной обработке всей территории

островов Великобритании и Ирландии; ныне же она не прокармливает и 80 миллионов, вывозя для них хлеб из России и Америки. Отчего это? А оттого, что для рациональной обработки территории нужны рабочие руки, ныне занятые приготовлением тканей для индусов и посуды для персов. А отчего они заняты именно этим? Оттого, что для жизни в роскоши средние и высшие классы нуждаются в эксплуатации Востока, а распределение покупательной силы на рынке направляет и распределение рабочей силы между производствами.

Итак, торговая политика Англии содействовала созданию в ней того социально-экономического уродства, которое выше я назвал новою вавилонскою башнею. Создав обрабатывающую промышленность, рассчитанную на потребности обширного Востока, и приведя нацию к столь неравномерному распределению покупательной силы между потребностями, – что остаётся делать Англии? Экономическое владычество на Востоке необходимо, чтобы блестящее снаружи, чёрное внутри, здание держалось. Английская восточная политика таким путём фатально давит и Восток и самую Англию. Восток она держит в невозможном и антипрогрессивном политическом *status quo*, приводя вместе с тем к полной ruine его материальную культуру, закрывая ему все старые пути исторического движения и не пуская на новый. В Англии эта политика поддерживает, увековечивает и развивает экономический строй односторонней культуры, тот роко-

вой порядок, который является в самой грозной зависимости от дальнейших успехов английской торговой политики, и которому может нанести смертельный удар первая серьезная неудача этой политики. Роковая коллизия исторических течений полна ужасного трагизма...

На Востоке Англии (т. е. «культурной» Англии) есть из-за чего бороться, и борьба эта не игра государственных высокоумствований, как у Австрии, а ставка на карту всего современного строя Англии. Ставка громадная и роковая. В следующих главах я постараюсь указать, откуда надвигаются для английской буржуазии грозные тучи, где сама она их ищет и как готовится встретить и ответить?

Русское движение на Восток

Два Востока. – Ахура Мазда и Ахриман. – Роль Ахримана в истории Востока. – Вмешательство Ахримана в русскую историю и его влияние на Россию. – Борьба России с Востоком Ахримана. – Эта борьба составляет одну из главных причин русского движения на Восток. – Общий очерк движения.

Совсем иначе, нежели Англии и другим западным нациям Европы, суждено было встретиться и столкнуться с Востоком нашему отечеству. По своему географическому положению и по ряду исторических событий, ознаменовавших историю Востока в течение исторической жизни славянского племени, это племя было поставлено в совершенно другие отношения к Востоку, нежели племена романской и германской расы, и отношения эти, начавшиеся почти с самого пробуждения славянского племени к исторической жизни, сделались роковыми для славянской истории, которая и доселе не может считать себя вполне эмансипированною от исторических завещаний того Востока, с которым славянству выпало на долю вступить слишком рано в борьбу. А этот Восток не совсем похож на тот другой, с которым Европа вступила в первые сношения ещё через посредство итальянских республик средних веков, и за которой она вела и ведёт столько братоубийственных войн. Тот старо-культурный Восток объ-

емлет собою южную грань великого азиатского материка. Он занимает четыре южно-азиатских полуострова (Малая Азия, Аравия, Индостан, Индокитай) и лежащие между ними и вблизи их части материка, а именно: страны семитического Леванта, арийского Ирана и монгольского Китая с островами (о-ва Средиземного моря, Малайский архипелаг, Япония и др.). Протягиваясь от берегов Чёрного и Средиземного моря до берегов Тихого океана, омываемые с трёх сторон тёплыми водами многочисленных морей и заливов и ограниченные с севера непрерывными горными кряжами, составляющими самые могучие возвышения земной коры, эти страны старой азиатской культуры заключают в себе почти всё то, что составляет историческую Азию. Густонаселённые, с тысячелетнею историею и цивилизациею, они-то в средние века и представляли тот сказочный мир Востока, который так был заманчив для Запада своими богатствами и чудесами своей культуры и своей природы. И за них-то народы Запада вступили в борьбу, которая привела в XIX ст. к полному торжеству Англии, утвердившей частью политическое, частью коммерческое господство на пространстве всех этих обширных территорий и над всеми этими сотнями миллионов населений. Об этом я говорил в двух последних главах. За пределами этих стран только немногими оазисами врезалась старая азиатская культура в глубь азиатского материка, громадная же часть его, в течение тысячелетий, видевших столько перемен и переворотов на историческом Востоке и

бывших свидетелями стольких цветущих культур и стольких падений, оставалась вне общего исторического течения и не приобщалась к восточной цивилизации. Эта часть материка отделяется, как уже выше сказано, от культурного, исторического Востока цепями могучих гор, начиная с Кавказа (с его западным продолжением Тавром), продолжая Эльбурсом, окаймляющим западный Иран со стороны Каспийского моря и Туркменской пустыни, Паропамизом и Гиндукушем, окаймляющих с северной стороны восточный Иран, Гималаем, составляющим северную стену Индостана, и кончая восточными разветвлениями этого последнего и других параллельных хребтов, ограждающих собою Китай от монгольских пустынь. На север от всех этих хребтов и горных столплений лежат (за некоторыми исключениями) страны, резко отличающиеся от лежащих к югу. Начиная с северного побережья Чёрного моря и кончая Маньчжурией, на берегах Амура, мы видим тут ряд степей и пустынь, занимающих громадное пространство, большею частью значительно возвышенных и мало орошённых водою. На север от этих степей лежали с незапамятных времён сплошные вековые леса, орошённые могучими реками. Итак, перед нами три Азии: южная культурная, степная и северная лесистая. Последняя в истории Востока никакого участия не принимала до самого последнего времени, но нельзя того же сказать о степях и пустынях Средней Азии. Не приобщаясь к истории культурной Азии, народы пустынь периодически вмешива-

лись в эту историю и производили громадные перевороты. Номады, живущие в патриархальном быту с тех пор, как их помнит история, и в течение не одного тысячелетия сохранившие тот же быт, те же потребности, идеалы и инстинкты, эти дети степей всегда появлялись в истории Востока в одном и том же значении. Во времена процветания и могущества культурных стран Востока они упоминаются в летописях единственно по набегам, которые они делают на пограничные страны. Набеги эти были явлением постоянным и потому, конечно, заносились и описывались летописями только в случаях особенных, когда размеры набега выходили из обыкновенных пределов и опустошение распространялось на громадные пространства. В самые даже цветущие эпохи восточных государств, когда они стояли в апогее своего могущества, эти набеги не прекращались, так же как и походы армий культурных наций в глубь степей для наказания разбойников. Но если и в эпохи процветания орды степных хищников беспокоили культурные страны Востока, то в эпохи упадка, периодически повторявшиеся на Востоке, эти орды являлись поистине бичом Божиим; они разоряли самые цветущие страны, избивали и уводили в неволю многочисленные населения и истребляли культуру, и без того клонившуюся к упадку. Порою эти опустошительные и истребительные набеги превращались в целые нашествия; отдельные орды сливались под одною властью и, движимые фанатическою верою в звезду предводителя и старым наследственным

хищничеством, стремились ко всемирному господству, т. е. ко всемирному опустошению и одичанию. Если первые шаги этих всесветных мирокрушителей не встречали надлежащего отпора, вследствие упадка восточных государств, то фанатизированные орды скоро стекались под победоносные знамёна и тогда заливали мир кровью, истребляя и население, и его материальную культуру мечем и огнём. Аттила, Чингис, Тимур являются представителями таких удавшихся мирокрушителей, распространивших ужасы своего «призвания» до пределов Запада и потому занесённых и в наши летописи; но многое множество было других мирокрушителей, которым не суждено было дойти до нашей части света, и которые тем не менее оставили не менее ужасный след в историях Ирана, Индостана, Китая и особенно в истории несчастных культурных оазисов, врезающихся к северу от пограничных горных кряжей клиньями в степи и пустыни номадов.

Эта борьба между культурным Востоком и среднеазиатским кочевым дикарём проходит чёрною нитью через всю историю Азии и составляет одну из причин, почему культуры Востока замкнулись в заколдованный круг исторического циклизма, о котором я говорил выше. Эта борьба нашла себе поэтическое выражение в древних легендах Ирана, того Ирана, которому пришлось вынести самую тяжёлую борьбу с дикарями, и который теперь лежит раздавленный этой борьбою, хотя и непобеждённый. Зенд-Авеста, этот древнейший миф арийского индоевропейского племени, олицетво-

ряет эту борьбу культурных народов Азии с дикарями севера в виде постоянной непрерывной борьбы между двумя божественными существами зла и добра. Ахура Мазда (переделанный греками в Ормузда) создал мир для блага человечества и отдал своему избранному народу Иранскому (по Зенд-Авесте просто Арийскому, Эриэне), но явился Ахриман, представитель зла, и поселил в это созданное Ахура Маздою «место благодати» зиму. Ахура Мазда обратил это творение зла к добру, оплодотворив землю снеговыми водами, но всё же первое место благодати было испорчено и пришлось части народа выселяться. Ахура Мазда создаёт второе место благодати, – Ахриман и его портит. Ахура Мазда частью исправляет, частью заменяет его третьим и т. д. и т. д. Ахриман является всюду, он создаёт сухость, пески пустыни, вредных животных и насекомых, наконец, дикарей пустыни. Ахура Мазда создаёт 15 мест благодати (Согдиана, Бактрия и т. д. – филологи в них узнали разные страны Ирана), и все они отчасти испорчены Ахриманом и, хотя Ахура Мазда всюду восстанавливает добро, но и зло, созданное Ахриманом, остаётся – и человечеству приходится бороться с ним. Конечно, одним из самых роковых созданий Ахримана был Туран, т. е. дикари, кочевники. Культура Ирана победила и обратила на пользу человечества другие бедствия, которыми Ахриман испортил места благодати, созданные Ахура Маздою; но это последнее исчадие зла, Туран в тысячелетней борьбе ниспроверг и культуру Ирана и сам высокий трон Ах-

ура Мазды. Азия Ахримана была всегда бичом Азии Ахура Мазды и тем тормозом, без которого, быть может, культурному Востоку не пришлось бы ныне подпасть под власть младшего сына цивилизации, европейского Запада.

Говоря в первых трёх главах о Востоке и его отношениях к Западу, я всюду разумел культурный Восток, Ормуздову Азию, но не с этой Азией, а с Азией Ахримана пришлось встретиться славянским племенам восточной Европы и вынести первую в Европе и, как оказывается, последнюю и окончательную борьбу за человеческий прогресс и цивилизацию против козней Ахримана и его исчадия, дикарей-кочевников, населяющих беспредельные степи и пустыни верхней Азии.

В лесах восточноевропейской низменной равнины, составляющих прямое продолжение лесов североазиатской низи и образовавших непрерывную связь этих лесов с такими же сплошными лесами Германии, обитало во времена первого устройства новой Европы обширное славянское племя индоевропейской расы. В этих лесах, граничивших к югу и юго-востоку со степями и пустынями Ахримановых народов, зародилось славянское государство и с первых же шагов своего исторического бытия вступило в борьбу за культуру и прогресс с жителями степей, самыми западными отпрысками великой и многочисленной семьи Ахримановых мирокрушителей. Борьба с печенегам, половцами, болгарам, ясам, косогами и другими кочевниками тюркского или мон-

гольского племени наполняет собою первые века исторической жизни Руси. Но как ни печально было это соседство, и как ни вредно должно было оно отражаться на развитии молодой нации в течение первых четырёх веков (IX–XIII вв.), Русь выносила эту борьбу, продолжая своё культурное и политическое развитие. Здесь не место входить в рассмотрение ни степени, ни самого хода этого развития; для нас довольно помнить, что развитие это шло по типу прогрессивной, а не циклической культуры. Но этим зачаткам прогрессивной культуры не суждено было развиваться и расцвести. Ахриман выслал из недр азиатских пустынь дикарей-номадов, которые в середине XIII ст. совершили одно из мирокрушительных нашествий, в неудержимом своём разливе поглотившее все восточные культурные страны и даже плеснувшее на страны Запада. Эта была эпоха Чингиса, великого Каана всех монгольских и тюркских орд Верхней Азии. Русь была тоже покорена, опустошена, её население истреблено, её зарождающаяся культура удушена. Это монгольское иго, продолжавшееся целых два столетия и всё наполненное страшными опустошениями и поголовными избиениями, ниспровергло культуру первых веков русской истории. С большим трудом с середины XVII ст. (через два столетия после освобождения и через четыре после нашествия) начала мало-помалу русская история возвращаться в прежнее ложе и перерабатывать свою цивилизацию по типу прогрессивному. Таково было влияние на Россию того Востока, с которым этой стране

лесной культуры пришлось иметь дело с самых пелёнок своей исторической жизни; влияние это было самое пагубное. Но поборовши орды Ахримана и долгою культурною борьбою снова приобщившись к общеевропейскому прогрессу, Россия вместе с тем дала обратное движение той верхнеазиатской волне, которая чуть не поглотила её наравне с культурами Азии. Россия вступила, немедля после своего освобождения, в решительную борьбу с Востоком Ахримана. Этот Восток конечно остался при прежних привычках, традициях и инстинктах. По прежнему он продолжал жить набегами на соседние культурные страны и по прежнему только разорением и кровавыми избиениями вписывал своё существование в летописи мира. Конечно, и относительно освободившейся России он держал себя не иначе. Россия ответила наступательно и из своих родных лесов вышла в степь, чтобы обезопасить себя от разбойников, издавна населявших эту степь. С XVI столетия началось наступление России на степные племена Ахриманова Востока. В этом столетии пали два татарских ханства – Казанское и Астраханское, и Россия, став на берегу Каспия, изолировала разбойников Черноморских степей от сообщения со своими неисчислимыми (как тогда казалось) братьями степей и пустынь Верхней Азии. Тогда же началась упорная борьба с изолированными крымскими разбойниками, но тогда же это изолирование прекратилось, так как последний татарский ханат на европейской почве нашёл себе поддержку в новых тюркских ордах, вторг-

шихся в Европу южным путём (через Иран и Левант) и покоривших южных славян, подобно тому, как предшественники XIII ст. покорили северных. Поддержанные турками крымские татары продолжали борьбу в течении двух с лишним столетий, продолжая разорять наши южные окраины. Наконец, в XVIII ст. и эта последняя татарская орда на европейских границах России пала. Все европейские степи, составляющие естественное продолжение среднеазиатских и лучший путь для вторжения, были умиротворены, прочно заняты и колонизируемы культурою. Но восточные пределы этих степей, уральские области, продолжали быть тревожимы набегами степных разбойников тюрко-монгольского племени. За Уралом расстилаются обширные киргизские степи, населённые многочисленными кочевниками, бывшими в описываемую эпоху одними из самых опасных и диких разбойников. Пришлось заняться и их умиротворением. Таким образом, подвигая всё далее и далее на Восток свои границы и встречая необходимость обеспечивать и эти новые границы от новых, ещё не умиротворённых племён Верхней Азии, Россия волею неволею должна была принять на себя неблагодарную задачу – умиротворить страны Ахримановой Азии и раз навсегда положить предел борьбе сынов Ахура Мазды, то есть культурных народов, с дикими сынами Ахримана. Эти народы Ахримана не однажды ниспровергали культуры Востока; с Запада, наконец, явилась сила, которая взялась ниспровергнуть самый престол Ахримана и установить

наконец мир между культурною Азией и её северными соседями. Только этот мир дозволит Ормуздовой Азии свободно и с шансами на успех заняться приобщением себя к общечеловеческому прогрессу, созданному народами Запада.

Но эта задача России, выпавшая ей на долю волею истории и в силу её географического положения, накладывает с одной стороны тяжёлую историческую ношу, неизвестную народам западной Европы, а с другой стороны приводит её через покорённые степи и умиротворённых дикарей к границам старо-культурного Востока Ахура Мазды, того Востока, на который Англия смотрит с такою поистине любовною ревностью как на своё достояние. Россия уже стала на границах Леванта, Персии, Китая, а покорением среднеазиатских ханств быстро приближается к границам Индостана. Но об этом я поговорю подробнее в другой главе, а теперь ограничусь этим общим очерком отношений между Россией и Востоком в течение первого тысячелетия нашей истории. Я также ещё не успел надлежащим образом очертить характер русского движения на Восток. А пока удовольствуемся тем выводом, что движение России на Восток, начавшееся издревле, наложено на неё тяжёлою историческою необходимостью и, будучи в высшей степени благотельно для самого Востока, составляет (большею частью) для России только тяжесть и жертвы без вознаграждения, если не считать вознаграждением безопасность границ от разбоев и набегов.

Русское движение на Восток

Двойной характер движения: умиротворение и колонизация. – Казачество. – Незначительность торгового движения. – Линии и их фатальное движение. – Пустыня. – Перенесение линий за пустыню. – Оренбургская линия. – Сибирская. – Необходимость сомкнуть и вторжение в культурные оазисы Средней Азии. – Область умиротворения. – Обзор старо-культурных оазисов во власти хищников. – Завоевание в этих оазисах в 60-х и 70-х годах. – Значение этого нового шага по пути умиротворения. – Встреча с Англией.

В прошлой главе я старался показать ту историческую необходимость, которая, поставив Россию лицом к лицу не с культурным, а с хищническим Востоком, вынудила её на борьбу с ним и фатально, неизбежно вызвала движение на Восток, привела её к границам Турции, Персии, Китая и подвигает к границам Англо-Индии. Но конечно было бы преувеличением приписывать исключительно этой причине русское движение на Восток. Оно (т. е. соседство хищнической Ахримановой Азии) вызвало движение и постоянно питало и питает до сих пор, но конечно не *одна* эта необходимость обезопасить свои окраины от хищных сынов Ахримана толкала русских людей в глубь Азии. Поиски новых земель, страсть к завоеваниям и другие общие всему человечеству побуждения влекли русских пионеров всё далее и да-

лее на Восток, пока в конце XVII ст. они не достигли берегов Тихого океана. Это другое движение надо вполне различать от движения для умиротворения и охранения окраин. Последнее вторгалось в степи и пустыни, окаймляющие повсюду в Восточной Европе и Азии леса более северного пояса. В пределах этого лесного пояса шло то другое движение. Они шли оба параллельно и даже отчасти совпадали, но их не должно ни смешивать, ни обобщать. Причины, двигавшие Русь на Пермь, Югру, Сибирь – вплоть до Камчатки и Амура – имеют очень мало общего с причинами, вынудившими покорение Казани, Астрахани, Крыма, занятие степей новороссийских, прикаспийских и киргизских. Но если причины обоих движений на Восток и были неодинаковы, то нельзя сказать того же о характере движения, о тех способах, которыми закреплялись успехи и умиротворялись обширные пространства. Дело в том, что нигде русское движение не было исключительно военным, но всегда и всюду вместе с тем и земледельческим. Колонизация занятого края всегда шла рука об руку с его завоеванием. Исторические условия русской жизни, а между ними в значительной степени именно постоянная борьба с хищниками Ахримановой Азии, создали у нас особый вид пограничной военно-земледельческой милиции – казачество. Это казачество завоевало Сибирь и впервые ещё в XVII ст. водрузило русское знамя на берегах Амура; оно же первое через степи, отделявшие южные окраины лесной Руси от южных морей (Чёрного и Каспийского),

достигло этих берегов; на нём же лежала главная забота по умиротворению Кавказа и Киргизских степей.

Казачество – конечно войско, но вместе с тем и земледельческое население. Казацкая станица – конечно военный форпост, но вместе с тем и село, преданное разного рода мирным занятиям – хлебопашеству, скотоводству, рыбному и другим промыслам. Такой характер казачества придаёт ему особую специальную приспособленность к борьбе с полудикими хищниками, которых оно в течении трёх столетий постоянно умиротворяет. Казацкая линия не нуждается за собою в каких-либо операционных базисах, коммуникационных линиях; она сама в себе в своих станицах (т. е. на самых оборонительных линиях) представляет операционный базис. Военно-земледельческая колония, казацкая станица сама себя содержит и сама защищает себя и от хищных соседей, но этот-то двойной характер казачьей оборонительной линии, столь хорошо приспособленный к борьбе с разбойниками степей, вместе с тем ведёт к тому, что борьба эта волей-неволею носит характер наступательный. Учреждение исключительно военной оборонительной линии значительно впереди культурного пояса может до известной степени обезопасить этот пояс от степных разбойников, но если учреждается линия казачья, т. е. военно-земледельческая, то вместе с её выдвиганием вперёд движется за нею немедленно и культурный пояс. Ряд казачьих станиц уже сам по себе составляет полосу земледельческой культуры, но этого мало: за зем-

ледельцем-казаком идёт торговец, возникают городки и местечки, жители которых тоже начинают заниматься культурою и промыслами, а за сим естественно появляется и мирное село. И вот, для безопасности этого нового культурного пояса, нужно снова выдвигать казачью линию, а за нею снова движется и мирное население, и земледельческая культура и т. д. и т. д. Такова, так сказать, схема движения в глубь степей и гор (Кавказ); подробности конечно самые различные. Движение военное параллельно с движением земледельчески-колониационным; второе закрепляет первое, но и толкает его далее, – такова общая характеристика русского движения на Восток, из родной области лесов в глубь степей.

Быть может, некоторые пожелали бы прибавить к этим пионерам военно-земледельческого типа ещё пионеров-торговцев, но едва ли подобная прибавка выдержит критику. Торговля никогда не прокладывала путей ни нашему оружию, ни колонизации. Она шла за ними и далеко позади их. Так долгое время после покорения восточной Сибири, основания там русских центров и расселения русских колоний (забайкальское казачье войско, восточносибирские казачьи батальоны, старообрядческие поселения, ссыльнопоселенцы и т. д.), весь этот край одевался в китайские ткани и вообще пользовался продуктами китайского, а не русского производства. Западная Сибирь (русская уже с XVI ст. и населённая в большинстве русскими) до половины настоящего столетия снабжалась тканями и другими издели-

ями обрабатывающей промышленности из Бухары и вообще среднеазиатских ханств, но не из России. Наконец, в настоящее время баланс русской торговли со Среднею Азиею постоянно заключается не в нашу пользу. Бухара, Хива, Кокан, как оказывается, больше ввозят в Россию, нежели получают из неё, выручая разницу наличным золотом. Кочевые народы степей и пустынь верхней Азии, уже покорённые нами (киргизы, кипчаки, кара-киргизы, таранчи и т. д.) снабжаются всем им необходимым из тех же ханств, а не из России. Торговля с Персией тоже заключается большею частью в пользу иранцев. Все эти любопытные сведения я почерпнул из книжки г-на Терентьева «Россия и Англия в борьбе за рынки». Неправда ли, как это громкое заглавие соответствует фактам, добросовестно сообщённым самим г-ном Терентьевым! Какая уже тут борьба с Англией, когда мы и с киргизом и бухарцем справиться не можем. А г-н Терентьев говорит о борьбе с Англией *за рынки!* Из книги г-на Терентьева, впрочем, видно, что англичане проложили себе путь в независимые среднеазиатские ханства. Но дальнейшему распространению и упрочению этого рынка мешает то, что значительная часть Средней Азии в руках России, которая частью вовсе воспретила, частью обложила покровительственным тарифом английские товары. Из вышеприведённых фактов, однако, явствует, что в этом случае Россия покровительствует не столько русской промышленности и торговле, сколько местной, которая охраняется от подав-

ления английскою. Впрочем, приводя все эти факты и соображения, я вовсе не нахожу их ни печальными, ни предосудительными для нас. В других главах я показал, к какому поистине критическому состоянию привело Англию производство для других. Эксплуатируя сотни миллионов, Англия в самом своём существовании (в её настоящем виде) зависит от послушания всех этих разношёрстных населений старокультурных стран Востока. Не желая моей родине ничего подобного, я могу только радоваться, что она ещё достаточно далека от такого поистине блистательно-печального состояния. Впрочем, я отвлёкся от предмета, так как единственная цель этого небольшого отступления была напомнить, что торговля, – эта важная, а порою и главная пружина западноевропейской колонизации, – была не при чём в истории русского движения на Восток. Западная Сибирь была покорена в XVI ст., русский земледелец занял её в течении XVI–XVIII ст., русский купец утвердился в ней только во второй половине XIX ст., на три столетия опоздав после казака и мирного земледельца. Тоже и в восточной Сибири, и в киргизских степях, и в Средней Азии, и на Амуре, и за Кавказом. Если в последнее время стали обращать внимание на интересы русской торговли при движении на Восток, то это, конечно, отчасти доказывает, что русский купец проснулся и не хочет более отставать от земледельца, но с другой стороны значительное влияние на эти толки и заботы об интересах торговли должно иметь просто веяние с Запада. Англичане, фран-

цузы, немцы толкуют об интересах торговли, – не отставать же и нам.

Итак существенный характер русского движения на Восток был военно-земледельческий. С винтовкою в одной руке, с топором и сохою в другой пробирались казаки всё далее и далее в глубь сибирских лесов и верхнеазиатских степей. Сначала в XVI и XVII ст. это было вольное движение, в XVIII и XIX оно подчинилось руководству государства. На крайнем Востоке была установлена государственная граница с Китайской империей уже в начале XVIII ст., но сюда, западнее, начиная от Алтайских гор и кончая устьями Дуная, простирались степи и пустыни, кишевшие хищниками и разбойниками тюркской расы. Более восточные монголы отошли к Китаю и вошли в область, умиротворение которой выпало на долю Небесной Империи, но многочисленные и разнородные тюркские орды, населявшие более западные степи и пустыни, никому не подчинённые и разбойники по ремеслу и идеалу, составляли ещё в начале XVIII ст. повсюду нашу южную границу. Поднепровская Украина подвергалась нападениям крымско-татарской орды; восточные ногаи, кавказские горцы, киргизы Букеевской орды, киргизы малой, средней и большой орды, калмыки Джунгарии – таковы были наши хищные соседи начала XVIII ст., державшие в страхе всю нашу южную окраину от Днестра до Алтая. А за этими непосредственными соседями шли кочевья и селения других хищников, порою присоединявшихся к ближайшим.

Турки были арьергардом крымской орды, туркмены, узбеки Хивы и Кокана и т. д. стояли за киргизами. Только в одном месте эта сплошная орда разбойников была разрезана и разобщена. Ещё в XVI ст. русские спустились по Волге к Каспийскому морю и по Дону к Азовскому.

Этот клин разобщил восточных хищников от их более западных родичей. Разобщение было тем полнее, что и далее на юг, за Каспием, Иран сверг власть тюркских дикарей и создал грань между западными тюрками (османские турки, татары) и Верхнею Азиею, главною территорией этой разбойничьей расы. Для последующей истории Востока это разобщение двух отраслей тюркского племени на севере Россией, на юге Персией имело весьма серьёзное значение.

Выше очерченное положение дел в начале XVIII ст. конечно не могло быть терпимо, и вот уже со времён Петра I мы замечаем, что государство решительно берёт в свои руки наступательную борьбу с хищниками степей, борьбу, которую до того времени большею частью вело вольное казачество партизански и без определённого плана. XVIII столетие наполнено турецкими войнами, которые привели к тому, что все южные степи, притон крымских хищников, были покорены. Крымская орда умиротворена и началась быстрая колонизация занятых территорий. Благоприятные местные условия и близость густонаселённых местностей метрополии повели к тому, что новороссийские степи быстро заселились и уже неразличимо вошли в состав культурных земель Рос-

сии. Крайняя западная оконечность великой степи, без прерывов простирающейся от стен Китая до предгорий восточных Балкан и Карпат, окончательно отторгнута от владений злого Ахримана. Это культурное завоевание степей продолжалось и восточнее Новороссии. Колонизация предкавказских степей и приуральских тоже началась и значительно продвинулась в XVIII ст. Колонизация эта была по преимуществу казацкая и, достигнув умиротворения манычских калмыков, прикумских татар, башкиров, букеевских киргизов (между Волгою и Уралом), привела нас в соприкосновение, а следовательно и столкновение с более дикими хищниками, более неукротимыми и скрывающимися за более недоступными и непривычными преградами. Вместо плодородных степей – пустыня, вместо могучих рек и лесных чащей – горные вершины. Со степями, реками и лесами русский казак знал борьбу, но пустыня киргиз-кайсака и ущелья черкеса были для него новостью, к которой надо было приспособиться. Этим следует объяснить замедление в движении на Восток в первой половине XIX ст. Кавказ был покорён лишь в 60-х годах; к тому же времени относится и окончательное умиротворение киргиз-кайсацкой пустыни. Простираясь от Урала до Алтайских гор эта полустепь-полупустыня составляет юго-восточную и восточную грань Оренбургского края и южную – западной Сибири. Начиная с запада степь-пустыня населена тремя ордами киргизов – Малой, Средней и Большой, а ещё восточнее – кара-киргизами. Борьба с эти-

ми хищниками (свыше миллиона) началась одновременно с северо-запада со стороны Оренбурга (земли казачьих войск оренбургского и уральского) и с северо-востока со стороны Иртыша (сибирские казаки). Прежний способ умиротворения – военно-земледельческая казацкая колонизация всё более и более подвигающимися вперёд линиями станиц – более не годился; территория киргиз-кайсаков не годилась для земледелия.

Это вызвало вначале образ действия, сходный в общих чертах с тем, при помощи которого думали бороться с хищными кочевниками властители азиатских культурных стран, начиная с Кира и Дария Гистаспа, продолжая Александром Македонским и римлянами и кончая Сефидами Ново-Персии. Заключается он в том, что культурный пояс обносится рядом сторожевых постов, а кочевники пустыни устрашаются более или менее удачными походами и набегами в глубь степей. Этими походами кочевники приводятся к покорности, вынуждаются признать более или менее номинальную власть своих культурных соседей, и погромом, сопровождающим походы и набеги культурных войск, устрашаются. Страх наказания должен, по этой системе, удерживать кочевых хищников от набегов и разбоя. Система эта, как доказал опыт многих тысячелетий борьбы Ирана с Тураном, не удовлетворяет задачам умиротворения культурных окраин. Страх наказания действует только, пока наказание помнят; возможность избегнуть наказания весьма осуществима,

для чего стоит только во время похода культурного воинства откочёвывать всё далее в глубь пустыни; само наказание, т. е. погром кочевников во время похода, вызывает не только страх, но и жажду мести, вражду. Наконец, за ближайшими кочевниками живут менее доступные для наказания, но могущие тем не менее тревожить пограничные округа набегами, скрываясь затем в свои отдалённые кочевья. Таковы неудобства той системы умиротворения западносибирской и оренбургской окраин, которая была первоначально принята и которая вполне соответствовала системам Кира, Дария, Александра, Аббаса, Надира и др. Вся пространная киргизская степь была разделена на два ведомства. Восточная, меньшая часть, населённая киргиз-кайсаками Большой орды и кара-киргизами, отошла в ведомство западносибирского ген. – губернаторства; западная, гораздо более обширная, занятая киргизами орд Букеевской, Малой и Средней, была отнесена к ведомству оренбургского ген. – губернаторства. Оба ведомства выставили против степи линии фортов и сторожевых постов и вынудили соседних кочевников (киргизов и кара-киргизов) принять русское подданство. Как и следовало ожидать, это подчинение было только номинальное, и хищники не только не были верными подданными русского государства, но не оставили и прежних набегов в пределы своих новых соотечественников. Наказания за набеги только запутывали отношения, создавали взаимные счёты несправедливости и мщения; – в этой партизанской войне прошло

несколько десятилетий, в которые надеялись, что принятая система способна умиротворить Киргизские степи и русские окраины. Западносибирское ведомство раньше убедилось в несостоятельности системы, и скоро оттуда начали настойчиво рекомендовать переход в наступление с целью отрезать Киргизские степи укреплёнными линиями не только от наших окраин, но и от хищных гнёзд за киргизскую территорию. Это окружение киргизов русскими линиями должно было их вполне изолировать от прочих хищников, лишив их и надежды на уклонение от наказания и поддержки со стороны более отдалённых разбойников и возможности выгодно сбывать добычу в культурные оазисы Средней Азии, где основались разные тюркские народцы, превратив их в разбойничьи притоны. Но для осуществления этой программы необходима была вооружённая борьба не с одними киргизами, потому что такой порядок вещей нарушал далеко не одни киргизские интересы, а между тем в 30-х годах надеялись ещё умиротворить киргизов мирным влиянием, распространением цивилизации, привлечь подарками и ласкою, устрашая наказаниями. Таким образом попытки западносибирского ведомства изменить систему не удалось. Неудача хивинской экспедиции 1839 года, предпринятой с целью освобождения 500 русских пленных, захваченных киргизами и проданных в Хиву, доказала неудовлетворительность системы, которая не гарантировала граждан могущественной русской державы от перспективы появления на невольничьих рынках Хи-

вы, Бухары, Кокана в качестве товара. Так называемый бунт киргизского султана Кенесары Касымова в 40-х годах окончательно подорвал веру в состоятельность Оренбургской системы. Это движение наполнило собою несколько лет, глубоко взволновало русское господство и было подавлено только после кровопролитной и продолжительной войны. Бедствия, обрушившиеся при этом на русские прикиргизские окраины, были громадны. Султан Кенесары в сущности вовсе не был бунтовщик, так как киргизы были только номинально подчинены; он был Чингис или Тимур в миниатюре. Начав с мелкого разбоя, или баранты, он поднялся своими успехами в глазах своих единомышленников, скоро достиг громадного влияния и уверовал в своё призвание. Весть о появлении нового мирокрушителя, нового бича Божьего, т. е. громадной поживы в перспективе, быстро разнеслась по киргизским кочевьям, и сторонники начали стекаться со всех сторон. Снисходительность Оренбургского начальства, старавшегося уладить дело мирно, была принята за слабость, и скоро новый мирокрушитель предводительствовал уже целыми ордами, и справиться с ним было не легко. Эти два урока (Хивинская экспедиция и бунт Кенесары) не прошли, конечно, бесследно, и в конце сороковых годов решено перейти к новой системе, ещё раньше рекомендованной из западной Сибири, т. е. положено начало охвату киргизской степи с востока и юга наружную укреплённую линией наподобие той внутренней, которая уже окаймляла степь с севера и запада. Европейские

события 1848–1850 гг., а затем вскоре вспыхнувшая Крымская война 1853–1856 гг. отвлекли внимание правительства от далёкой киргизской окраины и отсрочили задуманное дело на полтора десятилетия. Тем не менее начало было положено и с С.-В. Сибирью и с С.-З. Оренбургом. Сибирская линия дошла до реки Или, Оренбургская ещё перед Крымскою войною вышла на низовье Сырдарьи, где были основаны форты Казалинск, Перовск и другие. После войны дело было возобновлено с новою энергиею. Сибирякам пришлось выдержать весьма серьёзную борьбу с коканцами из-за Семиречья, но несмотря на совершенную ничтожность сибирских военных сил, власть в Семиречье была упрочена, и русская укреплённая линия протянулась по западной китайской границе до Тянь-Шаня, по этому хребту до границ Кокана. В то время, как коканцы пытались вытеснить сибиряков из Семиречья, оренбургцы подвигались вверх по Сырдарье и отняли у коканцев Ак-Мечеть, Туркестан, причём достигли западных островов Каратау'ского хребта, окаймляющего Кокан с севера. По этому хребту подвигалась из Семиречья и сибирская линия, и когда в начале шестидесятых годов сибирцы взяли Аулие-Ата, а оренбургцы – Чимкент, обе линии были сомкнуты, и наружная укреплённая линия неразрывно протягивалась от Алтайского хребта по южной окраине киргизских степей до Каспийского моря. Киргизские орды были изолированы, во время борьбы за наружную линию покорены, и киргизские степи окончательно умиротворены. Этот

результат, как сказано, был достигнут в начале 60-х годов, но логика событий толкала Россию всё вперёд, и вперёд, и это поступательное движение ещё далеко не сказало своего последнего слова. В самом деле, в каком положении очутилась Россия после того, как сомкнута была наружная киргизская линия после завоевания Аулие-Ата и Чимкента? Сама эта линия была создана для умиротворения обширной киргизской степи с её миллионным кочевым населением застарелых хищников, но провести эту наружную линию в пределах самых киргизских степей оказывалось невозможным, как по местности не годной ни для какой оседлости. Линию пришлось проводить по северной окраине территорий, лежавших к югу от киргизской степи и по своему характеру способных к заселению. Сибиряки выдвинулись в речную систему р. Или, оренбургцы вышли на Сырдарью, соединены обе линии были по предгорьям Каратау. Для занятия этих местностей и устройства наружной линии пришлось уже с самого начала вступить в борьбу не с одними киргизами, но и коканцами, так как эти окраины среднеазиатского оазиса принадлежали коканскому ханству. Борьба, начатая из-за линии, конечно на этом не остановилась и, продолжаясь с Коканом, обобщилась в борьбу с оставшимися ещё независимыми Тюрками Верхней Азии. За покорением киргизов оставались два ещё многочисленных и далеко распространённых тюркских народа: узбеки и туркмены. Последние не менее многочисленные, чем киргизы, но гораздо более хищ-

ные и сильные кочевники занимают степи и пустыни по северной окраине Ирана, между Каспием и Амударьей. В то время они соприкасались с русскими владениями лишь в занятом около этого времени Красноводске на восточном берегу Каспийского моря, что однако не мешало им предпринимать смелые набеги далеко в глубь русских степей, доходить до самого Урала, разбойничать и захватывать пленных, которые сбывались на невольничьих рынках Средней Азии. Но впрочем, опасности и трудности, сопряжённые с подобными набегами на север, заставляли всегда туркмен предпочитать набеги на юг в пределы Персии. Сюда и ближе, и безопаснее, и добыча богаче; поэтому хотя туркмены и тревожили русских, но не особенно, и двойная цепь линий вместе с постами на берегах Каспия могла считаться до времени сносным обеспечением с этой стороны, хотя нельзя было не думать о необходимости рано или поздно положить предел туркменским набегам. В таком же положении были и узбеки Хивинского ханства, обыкновенно разделявшие участие в разбойничьих набегам с туркменами, их ближайшими соседями. Но уже в другом отношении к России стали с начала 60-х гг. узбеки двух других ханств Средней Азии, Кокана и Бухары. Собственно Узбеки – тюрко-татарское племя, завоевавшее Бухару с другими среднеазиатскими областями около конца XV ст., и составляющее потомков татар Золотой орды, некогда господствовавшей над Россией. Но с тех пор название узбека распространилось на всех вообще осед-

лых и полуоседлых тюрко-татар культурных оазисов Средней Азии. Население этих стран складывается из двух элементов, таджиков, говорящих на особом наречии персидского языка и составляющих остаток древнего иранского населения, и узбеков, тюркских пришельцев, отчасти истребивших, отчасти подчинивших туземное население. В настоящее время узбеки повсюду многочисленнее таджиков, а власть уже со времён Чингиса находится непрерывно в руках тюрков. Несколько столетий оседлой жизни однако не лишило среднеазиатских тюрков их хищнических наклонностей. Коканцы и хивинцы всегда принимали деятельное участие в набегах киргизов и туркмен; если бухарцы в этом меньше виновны, то единственно потому, что они были дальше и непосредственно не соприкасались с нашими пределами. Таким образом, умиротворение киргизской степи посредством наружной линии привело нас прежде всего к дверям первого притона полуоседлых хищников, к ханату Кокана. Борьба не замедлила вспыхнуть. Когда пал Ташкент, и русские вышли на средний Сыр, бухарцы пришли на помощь к коканцам. Две неудачные войны убедили бухарцев в бесполезности борьбы; результатом этих войн с Коканом и Бухарою было присоединение половины коканского ханства и значительной бухарской территории с Самаркандом. Продолжавшееся хищничество хивинцев и туркмен привело в 1873 году к походу в эти страны и занятию территорий на нижнем течении Амударьи. Нападение коканцев в 1876 году пове-

ло к окончательному покорению этого ханства. В 1877 году прикаспийским отрядам пришлось выдержать столкновение с туркменами-Теке. Но была ли этим умиротворена Средняя Азия? Конечно, нет. Туркмены находились в 70-х годах в том же положении, в котором находились киргизы в 30-х годах, т. е. против них существовала только внутренняя линия, а от набегов они удерживались влиянием на старшин и страхом наказания. Хивинские узбеки находятся приблизительно в положении Кокана после потери Ташкента, каковая потеря не помешала им в 1876 году напасть на русских. Едва ли мы вправе ожидать от хивинцев более благоразумия, тем более, что хивинцы могли бы опереться на полуумиротворенное миллионное кочевое население туркмен. В таком же положении, как Хива, находится и Бухара; правда, в этом ханстве сильнее мирное таджикское население, но зато и соблазну больше; само ханство гораздо сильнее, с Востока к нему примыкает ряд независимых разбойничьих ханатов, туркмены тоже под боком (за Аму), а немного далее Афганистан, готовый под влиянием Англии поддержать Бухару.

Таково было положение дел в Средней Азии. Дело умиротворения тюркской расы сильно подвинулось вперед, но завершённым почитаться ещё не могло. Несколько миллионов хищников (туркмен и узбеков и других, помельче) не лишены были окончательно всякой возможности к разбоям, набегам и т. п. Они утрачены были покорением Кокана, разгромом Бухары, Хивы, туркмен (йомудов в 1873 г.), но исто-

рия не раз уже доказала, что страх – недействительное средство для прочного мира. На одном страхе нельзя основать ни внутреннего, ни внешнего мира. Посему, раз вторгнувшись в покорённые тюрками оазисы Средней Азии и занимаемые ими же родные их степи и пустыни, Россия фатально вынуждается завершить умиротворение полным занятием всей тюркской территории. Действительно очень скоро выдвинулась на первый план задача полного умиротворения туркмен. Походы Ломакина и Лазарева, кончившиеся неудачей, показали, что задача эта не так легка. Пришлось двинуть целую небольшую армию, под начальством Скобелева, чтобы сломить главное гнездо туркменского хищничества. Второе важное гнездо Мерв стало русским достоянием лишь в 1884 году. Через оазисы Ахалтекинский, Серахский и Мервский русская укреплённая линия охватила туркменскую пустыню с юга и разобщила её с культурными странами Ирана. Это изолирование столь же необходимо для умиротворения Туркмении, как раньше подобная же наружная линия нужна была для умиротворения киргизов.

Остановится ли естественно это движение после подчинения всего Туркестана? На этот вопрос трудно дать ответ, так как и за южными пределами Туркестана древне-культурные страны восточного Ирана находятся под властью кочевых или полукочевых хищников афган, хезар, чар-аймаков, белуджиев и т. д. Всюду на восток от Персии и на запад от Индии, на юг от Туркестана и до Индейского океана древне-

иранское население подчинено хищническим племенам кочевников, но тут уже входит новый могущественный элемент – Англия. Этот привходящий деятель может произвести громадное влияние и на самые события в Туркестане.

Встреча соперниц. 1798–1885 гг

Общая характеристика. – В чём опасность русского движения для Англии? – Неуязвимость Англии для континентальных держав. – Задача английской политики с этой точки зрения. – Первые симптомы соперничества. – Планы императора Павла. – Англо-персидский договор 1809 г. – Сербское восстание и русско-турецкая война 1809–1811 гг. – Греческое восстание и отношение Европы. – Русско-персидская война 1826 г. – Русско-турецкая война 1828 – 29 гг. – Политика Англии, Австрии и Франции. – Адрианопольский мир и Ускиар-Скеллессийский договор. – Русское влияние в Стамбуле и Тегеране. – Наступление персиян на Афганистан. – Хивинская экспедиция. – Кульминационный пункт русского влияния на Востоке. – Англия выступает навстречу. – Идея среднеазиатской коалиции против России и ряд посольств в Среднюю Азию. – Афганская война. – Англо-персидская война. – Конвенция о Понто-Эгейских проливах. – Падение русского влияния на Востоке. – Первая восточная война. – Дальнейшие события и реабилитация русского значения на Востоке. – Последние осложнения.

В первых пяти главах этих очерков я попытался охарактеризовать, конечно, в самых общих чертах, современное состояние Востока и движение русских и англичан в глубь Азии. Сводя высказанные данные, мы можем следующим об-

разом очертить это параллельное движение.

Русское движение первоначально вызвано и затем постоянно питается хищническим наступлением того Востока, с которым судьбою определено быть нам в соседстве. С самых пелёнок нашей истории мы уже начали эту борьбу с хищниками степей и продолжаем её до сих пор. Но вслед за покорением степей и пустынь, мы пришли к границам культурных стран Востока, некогда славных своею цивилизацией, ныне же под властью тюркской разбойничьей расы превратившихся в гнёзда хищников, под игом которых проживают культурные аборигены страны. Тою же силою истории, которая привела к покорению степей, двинуты были русские и в эти гнёзда. Так было покорено гнездо крымских татар; эти же самые обстоятельства принудили первоначально и к турецким войнам; они же привели нас уже в новейшее время к вторжению в среднеазиатские ханства, основанные узбеками. Это вторжение в культурные страны Востока привело русское движение в столкновение с английским.

Английское движение началось совершенно с другого конца. Стремление монополизировать выгодную торговлю с Востоком вызвало ряд кровопролитных войн между нациями европейского Запада. Трёхвековая борьба кончилась полным торжеством Англии, которая устранила поочерёдно со своего пути Португалию, Испанию, Голландию, Францию. Но пока велась эта борьба, значение восточной торговли для Европы радикально преобразилось. Вместо того, чтобы вы-

возить с Востока предметы потребления, Запад (прежде и главное всего Англия) начал снабжать ими Восток, требуя от него только сырья. В двух главах я старался указать на значение и размеры этого переворота. Восточный рынок сделался для Англии вопросом существования в том виде, в каком она экономически и социально сложилась ко второй половине XIX ст. И этот восточный рынок, купленный столь дорогою ценою трёхвековой борьбы с континентом западной Европы, а на самом Востоке завоёванный силою оружия, сохраняется за Англией её господством на море, во-первых, её могуществом в Индии, во-вторых, её колониальною системою, в-третьих. Частью политическое (в Индии), частью только экономическое господство над всем культурным Востоком с его семьсот пятьюдесятью миллионами уже приобретённых или только приобретаемых потребителей – таков результат английского движения на Восток. Россия покоряла и подчиняла, словом умиротворяла дикий хищнический Восток Ахримана; Англия частью покорила, частью экономически подчинила культурный Восток Ахура Мазды; оба движения встретились на границах двух восточных миров.

Но зачем обе державы оказались соперницами? Неужели Азия, эта беспредельная Азия оказывается слишком тесной для двух народностей? Конечно, не бесполезно задавать эти вопросы и напоминать их современному человечеству, но покраснеть от них покраснеют едва ли многие, а между тем, что может быть позорнее этой неуживчивости на таком про-

странстве как вся Азия? Однако, неуживчивость обеих наций и теснота Азии есть до такой степени прямой результат современной политической системы международных отношений, что обвинять в этом соперничестве, кроме этой системы, некого и нечего. Обратимся же к началу и развитию англо-русского соперничества и, прежде всего, к его естественным (при данном историческом строе) причинам.

Прежде всего, как мы выше видели, русское движение не остановилось на границах культурного Востока, но, перейдя границу, утвердилось в пограничных краях его. Отторжение у Турции Крыма, Бессарабии – Закавказья, у Персии – Баку и Еревана, у среднеазиатских узбеков – земель по рр. Сыру, Аму, Зеравшану показало англичанам, что Россия мало-помалу присоединяет те культурные страны Востока, на которые они, англичане, смотрят как на свою собственность, более того: как на свой неотъемлемый рынок. Завоёвывая культурные страны Востока, Россия распространит, конечно, и свою таможенную покровительственную систему, и с каждым шагом России вперёд Англия ожидает потери потребителей. И вот причина английского недовольства русским движением; *политическое и земледельческое движение России стесняет сферу английской торговли.*

Но сама по себе эта причина едва ли была бы способна вызвать английское соперничество на *всём протяжении* азиатского Востока. В европейской Турции это соображение играет довольно серьёзную роль, так как 30 миллионов гаран-

тированных потребителей, конечно, стоят заботы, но напр., Средняя Азия? Слабо населена, бедна; к тому же английская торговля только начинает туда прокладывать дорогу. А между тем, среднеазиатские дела интересуют Великобританию едва ли не больше, нежели турецкие. Причина этого внимания в том, что здесь русское движение вперёд всё более и более сближает границы русских и английских владений. Казалось бы, что в сущности обеим державам это только выгодно. Чем вести постоянную мелкую войну на своих границах, как это принуждены в настоящее время делать и русские, и англичане, не лучше ли сообща умиротворить беспокойные племена и, проведя настоящую в европейском смысле слова государственную границу, установить, наконец, мир и спокойствие и для себя, и для этих несчастных стран, от века раздираемых усобицами и набегами кочевых разбойников. Не лучше ли? Да, но это вполне изменяет условия английского преобладания на Востоке и даже вообще английского могущества, роли Англии и значения как великой европейской державы. В этом ключ ко всему англо-русскому соперничеству.

Могущество Англии основано на её несомненном экономическом первенстве, на неиссякаемых финансовых ресурсах страны, а затем на её неуязвимости в войне. Господство на море обеспечивает эту неуязвимость державы островитян; господство на Востоке обеспечивает богатство, процветание, финансовые ресурсы; Индо-британская империя со-

ставляет главную основу и господства на Востоке, и английского финансового первенства. Поэтому неуязвимость Индии составляет для Англии столь же важный вопрос как и неуязвимость собственного острова. До сих пор для континентальной Европы Индия, будучи географически лишь полуостровом, была в политическом отношении таким же островом как и сама Англия; путь к ней лежит морем, а пока Англия господствует на море, Индия неуязвима также как и острова Великобритании и Ирландии. Таким образом, англичанам довольно было первенствующего флота и блистательных финансов, чтобы не бояться хотя бы всей европейской коалиции. Такая коалиция действительно образовалась было в 1807 г., но не привела ни к чему. Англия невозбранно владела морями, колониями, Ост-Индией, а это – всё, чего ей нужно. Совсем изменяются условия английского могущества, когда континентальная Европа получает возможность атаковать её в самом источнике её силы и богатства. Именно такие последствия предвидит Англия от сближения английских и русских границ в Азии. Континентальная Европа получает возможность вести войну наступательную против Англии. Вопрос не в том, имеет ли намерение Россия отнять у Англии Индию, а в том, что Англия теряет свою неуязвимость, а её господство на море – половину своего значения. До сих пор одного этого господства было достаточно, чтобы обезопасить империю британцев от всякого наступления в случае войны; с той же минуты, когда Россия солидно

утвердится вблизи Индии, флота будет недостаточно, и придётся подумать об армии и следовательно совершенно преобразовать всю старую систему своего могущества. Но какую бы армию ни создала Англия, эта армия всё же поставит её лишь в равные условия с другими великими державами и не даст ей возможности презирать всякую коалицию. Словом, полный переворот в основах английского могущества и сам жизненный восточный рынок, поставленный на карту удачной компании, – таковы последствия движения России на Восток. Естественно, если Англия давно уже силится положить препоны русскому движению и охотно берёт под своё покровительство хищников Азии, лишь бы где-нибудь найти или создать для России барьер в её фатальном, потому что почти неизбежном наступлении в глубь хищнической Азии. Но только эта хищническая Азия и отделяет нас от Англо-Индии! В этом роковая сторона вопроса.

Наконец, ещё с одной стороны русское движение на Восток угрожает Англии, или, по крайней мере, англичане думают, что может угрожать. Благодаря стараниям Петра Великого, Россия уже в начале XVIII ст. стала весьма серьёзной военно-морской силой, которая к концу века при Екатерине II оказалась достаточно могущественною, чтобы, сгруппировав вокруг себя мелкие морские державы, принудить самую Англию признать некоторые статьи международного права, которые Англия до того решительно отвергала. Затем, в начале настоящего столетия, когда испанское морское

могущество пало само собою, а французское и голландское было добито Англией, Россия была наряду с Англией единственной первоклассною морскою державою. Наконец, даже около эпохи восточной войны 1853–1856 гг. русское военно-морское могущество уступало только английскому и французскому, а в Чёрном море Россия несомненно господствовала нераздельно. Всё это доказывает англичанам, что Россия способна развить довольно серьёзную морскую силу, уничтоженную первою восточною войною. Ввиду этого, они находят в высшей степени опасным допустить Россию приобрести военно-морские позиции, которые доставили бы ей возможность возродить своё морское могущество. Такими позициями они вполне справедливо признают Понто-Эгейские проливы (Босфор и Дарданеллы). Обладание ими делало бы русский флот неуязвимым ни для какого неприятеля, открывая ему вместе с тем выход в море, которое со времени прорытия Суэцкого перешейка стало главным морским путём в Индию. Заботы о Понто-Эгейских проливах с одной стороны, о самом Суэцком канале с другой, заботы, связанные с первостепенными для Англии вопросами невозбранного господства на море и беспрепятственного сообщения с Индией – составляют третью (из главных) причину английского соперничества с Россией на Востоке.

Непосредственная опасность потери некоторых второстепенных восточных рынков с завоеванием их Россией; потеря неуязвимости в случае войны с континентальными дер-

жавами вследствие сближения английских и русских владений в Азии; опасения за господство на море и безопасность морских путей на Восток – таковы главные причины, вызывающие англо-русское соперничество на Востоке. Что касается нашего движения во внутренней Азии, то приходится признать, что русская политика не была сознательно и преднамеренно завоевательною. Прошлую главу я посвятил этой стороне вопроса, и мне кажется, даже из этого беглого обзора среднеазиатской истории в XIX в. ясно, до какой степени вынужденною была тут русская наступательная политика, и до какой степени было основание обвинять её в злоумышлениях против Индии. Но опять-таки не в этом дело, а в том, что это движение, вынужденное или рассчитанное, сближало наши форпосты с английскими и приближало тот момент, когда настоящая система британского могущества должна оказаться несостоятельною. Кто в этом виноват? Я уже сказал, что виною всего – современный политический строй, не позволяющий нациям доверять друг другу, а затем никто. Россия не может, ради Англии, допустить диких хищникам Средней Азии безнаказанно грабить русские окраины, парализовать разбоями русскую торговлю, захватывать в плен и продавать в рабство русско-подданных; Россия не может ради Англии отказаться от покровительства близким исторически и национально племенам, населяющим Европейскую Турцию, от стремления упрочить мир и спокойствие на своих южных границах, от желания возродить флот. Но раз-

ве и Англия виновата в том, что все эти исторически необходимые шаги русской политики, каждый в отдельности и все вместе, наносят тяжкие удары зданию английского могущества и несомненным образом минируют самое здание английского богатства и процветания, всего экономического, социального и политического строя современной Англии? В противоположности исторических течений, управляющих судьбою двух великих народов, никто не виноват из современных деятелей, но несомненно некоторые из них приняли много греха в обострении кризиса, который хотя и очень мало, но всё же имел бы шансы разрешиться мирно при обоюдном того желании. Обратимся теперь к историческому очерку последовательных враждебных шагов на Востоке между Россией и Англией.

Первые симптомы соперничества сказались ещё в XVIII ст., в эпоху турецких войн Императрицы Екатерины II, но тогда дело ограничилось одними дипломатическими интригами. Революционные войны отвлекли внимание всей Европы, в том числе России и Англии, от Европейского Востока. К тому же тогда и сама Турция была довольно грозною державою, и разложение ещё только начиналось. Россия была в союзе с Англией, и вместе они вели войну против республики; в эту войну Россия вмешалась совершенно безынтересно и единственно для охранения *status quo* в Европе. Неблаговидные отношения союзников, австрийцев и англичан, раздражили Императора Павла, и Россия не только вы-

шла из коалиции, но вступила в переговоры с консулом республики генералом Бонапартом о союзе против Англии. В это время в голове Императора Павла родился план похода на Индию для нанесения Англии решительного удара на берегах Ганга. По русскому плану Россия выставляла 35 тысяч человек и столько же Франция; соединённая армия направлялась из России Каспийским морем в Астрабад в Персии, тут сосредоточивалась и далее направлялась через Персию, Афганистан, Пенджаб к англо-индийским владениям. План этот был представлен на рассмотрение Наполеона, но тот нашёл его вполне несбыточным. Действительно, тогда он был совершенно неосуществимым без предварительного союза с могущественною в то время Персией, но этого союза не было. Франция отказалась участвовать в невозможной экспедиции, но это не отклонило Павла от его замысла. Если он не был осуществлён, то лишь вследствие внезапной кончины Императора. Новый же Император немедленно заключил мир с Англией и затем снова вступил в союз для общей борьбы с французской империей.

Замыслы Павла, однако, заставили англичан задуматься о мерах, которые следует принять для пресечения на будущее время подобных попыток. Два пути из России в Индию; северный через Туркестан, южный через Иран. Первый, ныне почти весь уже находящийся в руках России, в то время был абсолютно недоступен ни для какой регулярной армии; сама природа и характер населения ставили непреодо-

лимые преграды наступлению. Южный путь, пролегающий культурными и населёнными странами с готовыми путями сообщения и продовольственными запасами представлялся единственно доступным. Он был в руках Персии; с нею-то Англия и вступила немедленно в переговоры, результатом которых был договор 1809 г., по которому Персия обязалась не пропускать никакого войска в Индию, за что Англия со своей стороны гарантировала Персии целость и неприкосновенность её владений против покушения соседей (России). В этом договоре впервые таким образом появилась знаменитая формула «целость и неприкосновенность», которая позже стала девизом английской восточной политики.

В эпоху этих первых предохранительных со стороны Англии мер для преграждения русского движения в глубь дальнего Востока, на ближайшем Востоке впервые начался тот ряд событий, который ныне привёл к разложению Оттоманской империи. В первом десятилетии настоящего столетия возмутилась Сербия и первая начала борьбу за освобождение; сторону Сербии приняла Россия. Заступничество привело к войне, вспыхнувшей в 1809 г. Занятая западными делами, готовящаяся к неизбежному столкновению с Наполеоновскою империею, Россия крайне вяло вела турецкую войну и после трёх лет нерешительных, хотя и успешных действий заключила Бухарестский мир, по которому приобрела Бессарабию и выговорила полуосвобождение Сербии. Последнее условие было первым шагом России по пути но-

вой программы её отношений к Турции, по которой вместо непосредственных приобретений, выдвигалось как задача русской политики освобождение христианских народностей Европейской Турции, естественных союзников России и естественных наследников хищнической оттоманской орды, их поработившей 5 ст. тому назад. Россия спешила заключить мир, чтобы собрать все свои силы для отпора уже вторгнувшегося грозного врага; Англия не только не противодействовала, но всеми способами содействовала улажению русско-турецкой распри ввиду этого же общего врага.

Но общими усилиями враг был сломлен, и каждая держава вернулась в сферу своей роковой политики, роковой, потому что фатально враждебной. Эта противоположность немедленно сказалась, когда через несколько лет после Венского конгресса вспыхнуло греческое восстание. Англия в лице своего министра *Каслри* явилась деятельным проводником воззрений о необходимости status quo на Востоке; к этому воззрению примкнула и Австрия, а её знаменитый *Меттерних* облёк эту программу в соответствующий времени наряд. Когда на одном из конгрессов Россия подняла вопрос о греческом восстании, Меттерних доказал, что Европа, решившаяся всюду поддерживать законных монархов, была бы непоследовательна, если бы на Балканском полуострове действовала иначе, нежели на Апеннинском и Пиренейском, где именно в это время войска священного союза подавляли народные движения. Под давлением конгресса

Россия уступила и предоставила балканских христиан собственным силам. Это было в начале 20-х годов, но долго это не могло продолжиться; логика событий привела Россию снова в русло её традиционного и предопределённого движения на Восток и притом не только по направлению Турции, но и Персии и Дальней Азии.

Столкновение с Персией даже опередило турецкую войну. Фанатики Тегерана убили в 1825 году русского посла (поэта Грибоедова) и бросили вызов России. Одна кампания решила борьбу; быстрота катастрофы могущественного персидского царства, его слабость и незащищённость перед русским наступлением поразили весь мир Востока и Запада и саму Персию. Шах просил мира и получил его ценою уступки северо-западных прикаспийских провинций (ныне губернии Елисаветпольская, Ереванская, Бакинская) и значительной контрибуции. Англо-персидский договор 1809 г. остался мёртвою буквою; в Тегеране убедились, что Англия не в состоянии гарантировать Персию от русского наступления, и уже с этого времени стали искать сближения с Россией. Мир с Персией был восстановлен в 1827 г.; события следующих затем двух лет (разгром Турции в 1828 – 29 гг.) могли только укрепить обаяние России в Тегеране.

Греческое восстание привело к этому разгрому. Подавляя восставших христиан, турки, конечно, пустили в ход обыкновенные на Востоке репрессии в виде поголовных избиений, опустошений etc. Европа, послушная воззрениям

Каслри и Меттерниха, находила всё это в порядке вещей и видела в этом лишь средства для восстановления законных властей. Турки долго злоупотребляли этим послушанием Европы и России «консерватизму» венской и лондонской политики, но в 1827 г. турки на острове Хиосе превзошли самих себя и устроили избиение в таких размерах и среди таких обстоятельств, что вся христианская Европа содрогнулась от ужаса. К тому же в Англии сменилось министерство и на место Каслри иностранная политика перешла в руки гуманного Каннинга. В последствие хиосских сцен Россия, Англия и Франция выслали эскадры в турецкие воды с целью предупреждения новых ужасов. Ослеплённые своим восточным невежеством, турки атаковали соединённую эскадру трёх держав и при Наварине потеряли весь свой флот, сожжённый соединёнными усилиями русских, французских и английских моряков. Этот разгром вызвал новый взрыв восстания и за сим объявление Турцией войны России. Я не пишу военной истории восточных событий, и для нашей цели довольно отметить, что в две кампании Турция и в Европе и в Азии потерпела дотоле неиспытанное поражение. Армия Дибича перешла Балканы и утвердилась в Адрианополе, но эти военные успехи далеко не соответствовали политическим последствиям войны. Россия в эпоху войны 1827 – 29 гг. была не менее связана Европою, если не более, чем в войну 1877 года. Каннинг умер, и либеральное министерство его друзей пало, сменённое старо-торийскими

столпами, которые вполне возвратились к политике Каслри (тоже умершего). Английская дипломатия заработала; сманить Австрию было нетрудно; Франция была тоже обеспокоена возрастанием русского могущества на Средиземном море. Грозная коалиция готова была образоваться против России, которая избегла её, как говорят, только вследствие личных чувств французского короля Карла X, весьма расположенного к России. Вступив в личные сношения с русским Императором, Карл получил обещание не разрушать Турции и не делать никаких территориальных приобретений в Европе. Это обещание, в точности выполненное Россией, спасло её от коалиции, но вместе с тем спасло Турцию от падения. Адрианопольский мир вполне восстановил державу султана, выговорив вассальную автономию Молдавии, Валахии, Сербии и Греции. Вследствие вмешательства Англии, Греция была объявлена независимую, но зато уменьшена наполовину; большая Греция казалась опасною торийскому министерству. Сама Россия исправила лишь границу в Азии и приобрела дунайские острова. Освобождение греков, румын и сербов было главным прочным результатом тягостной войны, но временным её последствием было совершенно непомерное возвышение обаяния России на Востоке. Два один за другим разгрома двух самых могущественных государств Востока, Персии и Турции, должны были произвести потрясающее действие на впечатлительные умы жителей Востока. Видимое бессилие Англии остановить Россию совер-

шенно отворатило политиков Востока от Лондона и заставило их искать сближения с Россией. Это сближение выразилось уже в 1832 г. знаменитым Ускиар-Скеллесийским договором между Россией и Турцией; поэтому договору обе державы заключали между собою союз, Россия обязалась охранять Турцию от всяких покушений извне, а Турция должна была запереть Дарданеллы для всех военных флотов. При господстве русского флота на Чёрном море и открытых лишь для него одного проливах, эта статья договора была едва ли не важнейшею. Русско-турецкий союз встревожил Англию, которая не могла не сознавать всей опасности его и для английского морского первенства в Средиземном море, и для англо-индийских владений. Но ещё более была обеспокоена Англия тесным сближением России с Персией и покровительством, которое, по-видимому, оказывала Россия расширению персидской империи по направлению на Афганистан. Персидское правительство замышляло в это время возвратить отнятые у Персии афганцами провинции восточного Ирана (Хорасан, Сеистан и др.); намерений своих в Тегеране не скрывали, и русское посольство одобряло их. Надо ещё вспомнить, что в это же время (в 30-х годах) была решена Россией экспедиция на Хиву, и мы вполне поймём тревогу Англии. Россия и Персия одновременно и при взаимной поддержке замышляли движение на Восток, приближающее их к границам Индии. Русско-турецкий союз обеспечил Россию с юга и, в случае войны с Англией, доставлял ей

сильный военно-морской базис. Словом, в Англии не знали, имела ли Россия намерение отнимать Индию у англичан, но видели, что обстоятельства в Азии (и Европе) складываются так, что если дать утвердиться этому порядку вещей, то разве от одной доброй воли России будет зависеть не трогать англичан. Действительно, середина 30-х годов была эпохой, когда русское влияние на Востоке (как и значение в Европе) достигло апогея, кульминационного пункта своего развития. Никогда прежде, никогда после Россия не была столь могущественна на Востоке и не внушала народам Востока столь полного обаяния. С другой стороны, значение Англии дошло до *minimum'a*, несмотря на непрестанную, энергичную восточную политику. Важный успех, достигнутый Англией в Тегеране в 1809 г. и обеспечивший Индию от покушения из Европы, был уничтожен русско-персидскою войною 1826 г., и Персия подпала под полное влияние России; значительное влияние, которым располагала Англия в советах Блистательной Порты оттоманской, было разрушено успехами русского оружия 1828 – 29 гг. и окончательно вытеснено Ускиар-Скеллессийским союзным трактатом, регулировавшим вдобавок в исключительную пользу России мореходство в Понто-Эгейских проливах.

Россия тридцатых годов, т. е. держава военная, ультраконсервативная, завоевательная, эта Россия взяла тогда в свои руки, через посредство турецкого союза, ключ к Средиземному морю и, через посредство Персии, стала на полпути к

Индии. Афганский поход персиян и хивинская экспедиция русских должны были, по-видимому, предоставить в руки России весь этот индоевропейский континентальный путь. Было отчего встревожиться в Лондоне, хотя бы и не было никаких оснований предполагать в России преднамеренного умысла против Индии. Отдаваться на добрую волю русского правительства англичане не имели ни малейшего желания. И вот мы видим, что в тридцатых и сороковых годах Англия принимает поспешно меры предосторожности и вступает окончательно и бесповоротно на путь сознательного соперничества с Россией на Востоке. Соперничество сказалось ещё с конца прошлого столетия и довольно ярко обнаружилось в эпоху русско-турецкой войны 1828 – 29 гг., но только после этой войны, по-видимому, поняли в Лондоне, что приходится это инстинктивное и случайное соперничество превратить в систему. Когда это поняли, то решились немедленно привести в исполнение и со свойственной Британии энергиею и постоянством принялись за проведение программы систематического противодействия России на Востоке. В высшей степени энергичная, хотя и не всегда искусная политика эта наполняет собою два десятилетия, предшествовавшие и подготовившие первое великое столкновение Европы на Востоке, Крымскую войну 1853 – 56 гг.

Я уже упомянул выше, что около середины тридцатых годов XIX в. Россия достигла наибольшего влияния на Востоке. Жестокие поражения, нанесённые ею двум могуще-

ственнейшим империям мусульманского мира, приобрели ей это значение. Ускиар-Скеллесийский союзный договор 1832 года закрепил его в Турции, а в Персии утверждалось оно всё более и более, благодаря политике русского посланника в Тегеране Симонича, явно покровительствовавшего расширению владений шаха на Востоке. Это политическое преобладание России на Востоке приобретало особое значение ввиду не менее полного преобладания её на Западе. Священный союз, который в конце 20-х годов был готов разложиться из-за турецко-восточного вопроса, возродился в 30-х годах с новой силой. Польское восстание 1830 года сблизило три державы, обладавшие польскими провинциями; французская июльская революция и низвержение преданных идеям священного союза Бурбонов испугали кабинеты Вены и Берлина. Но эти две революции были не единственными проявлениями народных и национальных освободительных движений. Бельгия отложила от Нидерландов. Волнения и смуты то и дело вспыхивали в различных мелких государствах Италии и угрожали австрийскому преобладанию на Апеннинском полуострове. В Германии тоже проявлялось повсеместно либеральное и национальное движение. Переворот во Франции и успех Бельгии могли только поощрить все эти итальянские и германские движения. Словом, ультраконсервативному правительству Австрии было о чём заботиться, чего опасаться, к чему готовиться, а кто же кроме России мог оказать необходимую поддержку

Габсбургской державе? Священный союз снова стал необходим для Австрии, не желавшей никаких перемен в Италии и Германии. Венский кабинет должен был поэтому отложить заигрывание с либеральными западными державами по восточному вопросу и теснее примкнуть к России, скрепя сердце подчиняясь несколько жёсткой гегемонии Императора Николая. Несколько позднее в Вене возобладало мнение, что чёрт вовсе не так страшен, как его малюют, и интриги против русско-восточной политики были возобновлены, но в 30-х годах Австрия несомненно очень была напугана революциями французскою, бельгийскою, польскою и либеральными движениями Италии и Германии, что заставляло её искреннее, чем когда-либо держаться священного союза, предоставляя в нём старшинство России. Пока же священный союз оставался прочным, остальная Европа могла только стоять в оппозиции, бессильная нанести серьёзный удар русской гегемонии.

Этим путём в тридцатых годах XIX века русское политическое преобладание в Европе также как и в Азии было несомненным и решительным, опираясь в Европе на союз с Австрией и Пруссией, а в Азии на союз с Турцией и Персией. Я упомянул о преобладании России в Европе для того, чтобы показать, что Англия в своей борьбе против России на Востоке не могла никоим образом опереться на европейские комбинации. Парализовать русское могущество на Востоке и остановить русское движение было тогда невозможно со-

зданием противовеса на Западе, как это было сделано в 1829 году, как это позднее было два раза повторено в 1853 и 1878 годах. Англии приходилось вступать в борьбу одной, и она это сделала. Благодаря обычной энергии, искусной политике и некоторым счастливым случайностям, она достигла замечательного результата, успев поколебать русское влияние и восстановить своё собственное. Два десятилетия настоящего столетия, предшествовавшие первой восточной войне, наполнены этими усилиями английской политики, принёсшей столь важные плоды и подготовившей поражение России.

Мы видели выше, что русское движение на Восток опасно Англии преимущественно с трёх сторон 1) завоеванием английских торговых рынков Россия стесняет свободу английской торговли, создаёт искусственно неблагоприятные условия английской промышленности и тем наносит ущерб богатству и благосостоянию Англии, как она ныне сложилась, 2) угрозой овладения Понто-Эгейскими проливами становится на пути в Индию и приобретает условия для возвышения на уровень первоклассной морской державы, чем бросает тень на морскую монополию Англии и в корне подрывает основы её могущества и 3) приближением своих границ к границам Индостана лишает Англию её неуязвимости и минирует всю её колониальную систему и основанное на ней богатство. А между тем в тридцатых годах Россия была очень близка к осуществлению существенных пунктов этой столь опасной для Англии программы. Ускиар-Скеллесий-

ский договор с Турцией открывал Понто-Эгейские проливы для русского флота и закрывал для всех остальных флагов. Союз с Персией обеспечивал лучший путь в Индию, а стремление Персии к овладению Гератом лишь улучшало этот путь. Выход русских форпостов на Сырдарью и замышлявшийся поход на Хиву должны были открыть России и второй путь в Индию, через Туркестан. Таким образом, ближайшая задача Англии сводилась к уничтожению Ускиар-Скеллессийского соглашения о Понто-Эгейских проливах, к организации барьера русскому движению в Туркестан и к освобождению Персии из под исключительного влияния России. В Англии очень быстро поняли логику своего поведения, немедленно приступили к делу и решились искать новых оплотов против опасного могущества России.

Независимые мусульманские государства Средней Азии и воинственные разбойничьи племена туркменских номадов представились англичанам первым таким оплотом против России. Но разрозненные и взаимно враждующие, эти государства и племена легко могли стать добычей России, как то и случилось в настоящее время. В Англии это предвидели и, озабочиваясь образованием надёжного барьера между Россиею и Индиею, не могли не стремиться сплотить Туркестан против России. Идея среднеазиатской коалиции под покровительством Англии и против России очень сильно занимала английских политиков тридцатых годов. В 1832 году была снаряжена миссия под начальством *Борнса*, назна-

чение которой было посетить Кабул и Бухару и обследовать почву, насколько она удобна для осуществления этой идеи. Эта поездка наблюдательного и образованного путешественника имела большое научное значение, пролив свет на страны, дотоле известные лишь по описаниям древних и арабских географов, но политических плодов не принесла. Принят был Борнс очень недоверчиво и почти враждебно. Было очевидно, что соединить в одном действии ряд варварских государств, постоянно враждовавших между собою, вовсе не угрожаемых ещё Россией и относящихся с фанатической нетерпимостью к Англии столько же, сколько и к России, что эта мысль была иллюзией, и неосуществимою, и опасною для самой Англии, которую варвары могли заподозрить в коварных замыслах, скрываемых под личиною непрощенной дружбы. В сущности так и случилось. Снарядив после первой миссии Борнса, вторую миссию его же в Кабул, Стоддарта – в Бухару, Конолли – в Бухару, Хиву и Кокан, Аббота – в Хиву, Англия, несмотря на всю эту удивительную энергию и деятельность, не только не добилась никакой анти-русской коалиции, но даже потеряла двух своих послов, Стоддарта и Конолли, казнённых в Бухаре по приказу эмира Насруллы. Аббот в Хиве едва избег той же участи. Чтобы выручить из Бухары спутников несчастных Стоддарта и Конолли, Англия должна была обратиться к любезности России, которая и вытребовала их. Но эти видимые неудачи в сущности однако завершились полным успехом. Всестороннее политическое

исследование Туркестана обнаружило, что страны эти не могут служить удобным готовым уже путём в Индию. Варвары Хивы, Бухары и Кокана конечно не были нимало расположены пропустить русскую армию. Тем менее можно было рассчитывать на туркменов и даже киргизов, в то время ещё совсем неумиротворенных. К тому же громадные бесплодные и безводные пустыни, высокие трудно проходимые кряжи гор и быстрые могучие реки лежали на этом пути и делали его недоступным для армии, которая двинулась бы прямо из Оренбурга, не имея другого базиса, кроме Европейской России. В Англии поняли, что Туркестан должен быть предварительно завоёван и умиротворён, чтобы стать возможным путём к границам Индостана. В том же виде, в каком он находился тогда, он был лучшим возможным барьером между Россией и Индией. Значение этого оплота ещё более усилилось после неудачи русской экспедиции в Хиву в 1839 году. Хищнические набеги хивинцев и захват русских в рабство вынудили Россию снарядить против Хивы экспедицию, которая погибла, не дойдя до оазиса, от холода и метели. Поход не был возобновлён, и обаяние России сильно пострадало, а враждебное настроение среднеазиатских государств лишь усилилось.

Работая над ограждением России северного пути в Индию, Англия не могла оставаться равнодушною и к южному пути через Персию и Афганистан. Мы уже видели, что Англия снаряжала в Кабуле две миссии одну за другою, с целью

укрепить своё влияние в этой ближайшей к Индии стране по пути из России. Но постоянные междоусобия, волновавшие в это время Афганистан, мешали установиться прочному влиянию, и Англия постоянно смотрела с опасением на афганцев, когда появление в Кабуле некоего Виткевича, бывшего офицера русской службы, так взволновало англичан, что они решились вмешаться во внутренние дела Афганистана, с целью установить режим, более благоприятный английским интересам. Виткевич был авантюристом, которого судьба Бог весть как занесла в Кабул, но где он как подданный русского Царя быстро приобрёл влияние и почёт. Тогда в Афганистане царствовала анархия вследствие падения династии Дуррани, основавшей афганское царство в конце XVIII в. Изверженная сердарями (феодалами) династия эта не была ни кем заменена, и страна управлялась каждым сердарем вполне самостоятельно. Таких сердарей было шесть в Кабуле, Желалабаде, Пешаваре, Кашмире, Газни и Кандагаре. Герат остался в руках представителя изверженной династии Камрана, а другой претендент Шеджа бежал в Индию и жил английским пенсионером. Распадение Дурранийской державы возбудило аппетиты у соседей. Бухара стремилась утвердиться в Афганском Туркестане; Сейки завоевали Пешавар и подчинили Кашмир, которые с тех пор и были потеряны афганцами; Персия решилась завладеть Гератом. Из оставшихся четырёх сердарей наибольшим влиянием и силою пользовался Кабульский Дост-Магомет, кото-

рый к концу тридцатых годов и успел установить своё первенство и даже принял титул эмира (т. е. князя, тогда как дурранийская династия носила титул шаха). Сюда-то в Кабул и прибыл Виткевич. Сердари приняли его очень почётно и склонны были под его влиянием просить протектората России. В Англии ударили набат. В Петербург был послан запрос о действиях Виткевича. Русское правительство конечно отрёклось от солидарности с Виткевичем, и Англия решила военную экспедицию в Кабул. Задачей экспедиции должно было быть восстановление Дурранийской династии в лице *Шеджи*, который и явился бы для Индии надёжным союзником и оплотом. Афганская экспедиция, предпринятая одновременно с русскою хивинскою, должна была, по-видимому уравнивать и эту последнюю, если бы она удалась (в чём Англия не могла сомневаться). В противоположность хивинскому походу поход афганский, встречный первому, удался вполне. Сердари были разбиты, Дост-Магомет Кабульский бежал, и Шеджа водворён на престоле державы его предков. Английские гарнизоны были оставлены в Кабуле, Желалабаде и Кандагаре для поддержания нового властителя. Английский агент поселился в Кабуле под охраною целой небольшой армии и имел решающий голос в политических делах страны. Шах Шеджа был лишь номинальным властителем Афганистана, а действительными хозяевами оказались англичане. Свободолюбивые и буйные горцы не могли вынести этого режима, и в 1840 году вспыхнуло

возмущение. Слабые английские гарнизоны были перебиты, а армия, стоявшая в Кабуле потерпела жестокое поражение в Хурд-Кабульских теснинах между Кабулом и Джелалабадом. Вторая афганская экспедиция в 1842 году жестоко отомстила афганцам, но на этот раз англичане не остались в Афганистане и не посадили Шеджу, а предоставили возвратиться эмиру Дост-Магомету, который заключил с Англией союз и всё время держался английской дружбы, наученный горьким опытом своего увлечения при Виткевиче. Успехи англичан в Афганистане, видимое бессилие России поддержать Виткевича (представлявшегося азиатам русским агентом) и несчастный исход хивинской экспедиции – всё это должно было сильно подорвать обаяние России и возвысить значение Англии на Востоке. К тому же результату приводили и персидские дела.

Мы уже упомянули выше, что в эпоху афганских междоусобий во второй половине тридцатых годов, Персия задумала воспользоваться этими неурядицами, чтобы отнять у афганцев Герат. Русский посол в Тегеране Симонич явно поощрял шаха в его наступательной политике на Востоке, так что Персия, находившаяся в то время под полным влиянием России, имела некоторое основание рассчитывать, что Россия поддержит её в Гератском вопросе. Но дать Герат Персии в то время значило открыть русской кавказской армии лучший путь наступления на Индию. Англия не могла допустить этого без отчаянной борьбы. Сначала она пробова-

ла парализовать русское влияние в Тегеране, но безуспешно; потом обратилась уже прямо в Петербург и после некоторого периода щекотливых переговоров прямо поставила вопрос ребром. 4 мая 1838 года была отправлена в Петербург решительная нота. Россия уступила; посланник Симонич был отозван из Тегерана, и Персия предоставлена себе самой. Тогда Англия отправила десант в Персидский залив, и разбитая Персия сняла осаду Герата и вывела войска из Афганистана. Этот эпизод произвёл полный переворот во взаимном положении России и Англии в Персии. Как после русско-персидской войны 1826 году Англия, не защитившая Персию вопреки союзному договору 1809 года, потеряла всякое значение в советах шаха, так теперь, после англо-персидской войны 1838 года Россия, толкнувшая Персию на Герат и не защитившая её на этом пути, лишилась недавнего обаяния, которое снова перешло к Англии.

Таким образом, конец тридцатых и начало сороковых годов обозначилось следующими фактами: неудача русского предприятия против Хивы; неудача авантюры Виткевича и жестокое наказание, понесённое афганцами от англичан за увлечение идеей русского протектората; неудача русской политики в Персии и англо-персидская война, окончившаяся падением русского влияния в Тегеране. Если к этому прибавить бунт киргизов под начальством Кенесары, на время потрясший русскую власть даже в Киргизских степях и англо-китайскую войну, поднявшую престиж Англии на дальнем

Востоке, то мы легко увидим, что рассматриваемый период отличается быстрым возвышением значения Англии и падением значения России на Востоке. Персия, Туркестан и Афганистан превратились под влиянием искусной, настойчивой и решительной британской политики, в связи с невниманием России к азиатским вопросам, в солидные барьеры между Россией и Индией, которая к концу первой половины XIX века была снова вполне изолирована от континентальной европейской армии. Эти успехи Англии и неудачи России не могли не производить своего влияния и на европейский Восток. По мере того, как русское влияние падало в Средней Азии, Кабуле, Тегеране, оно не могло не падать и в Стамбуле и скоро от него не осталось и следа. Ускиар-Скеллессийского союза не было возобновлено и Понто-Эгейские проливы снова закрылись для русского флота. Этого закрытия впрочем добивалась не одна Англия; Франция и Австрия, как средиземноморские державы, были заинтересованы едва ли не более даже в недопущении возникновения средиземноморской державы, каковою явилась бы Россия, если бы свобода проливов была за нею обеспечена. Результатом ослабления русского влияния на Востоке и упомянутых европейских комбинаций и явилась в это время знаменитая конвенция о Понто-Эгейских проливах, которая в существенных чертах и по сию пору регулирует судоходство в проливах. Турция обязалась перед соединённою Европою закрыть проливы для каких бы то ни было военных флотов. России закрывался

выход из Чёрного моря, но взамен того ей гарантировалась недоступность и Чёрного моря для враждебных флотов. Как велика эта гарантия, мы испытали в 1853 и 1878 гг. и вероятно скоро испытаем снова.

Таким-то образом, к шестидесятым годам значение России на Востоке было потрясено и, чтобы пасть совершенно, требовалось лишь нанести решительный удар. Первая восточная война и была таким ударом. Правда, её причины коренятся больше в стремлении Европы освободиться от русской гегемонии на Западе, но и английское стремление разрушить русское значение в Азии было тоже немаловажным фактором. Мы не излагаем дальнейших русско-английских отношений на Востоке. Они у всех на памяти и хорошо известны. В результате этих соперничающих течений оказалось однако, что Россия, не восстановившая доселе былого значения в Европе, реабилитировалась в Азии. Кавказ и Туркестан покорены и умиротворены. Персия обойдена, и русские вышли на границы Афганистана. Наступил момент, когда Индия стала уязвима для континентальной европейской армии. Англия лишается своей монополии. Согласится ли Англия на это без войны, или решится рискнуть войною, чтобы попытаться отбросить русские границы и снова восстановить свою неуязвимость? Несомненно, что, если войне суждено возгореться, то конечно какой-нибудь *Пенде* или даже *Герат* будут лишь поводами, а действительною причиною явится борьба за монопольное исключительное полити-

ческое положение Англии. Несомненно также, что если война теперь и не возгорится, и Англия согласится на все желания России, то всё же она ни в каком случае не согласится навсегда отказаться от надежды вернуть себе былую монополию неуязвимости и воспользуется первыми серьёзными замешательствами России в Европе, чтобы достигнуть своей цели, как это она сделала в 1853 году. Несомненно поэтому, что покуда Англия свою внутреннюю жизнь, своё богатство и своё могущество строит на нынешних основах, нами выше очерченных, до тех пор война между Россией и Англией вполне неизбежна и является лишь вопросом времени. Только существенные внутренние преобразования Англии, политические (в смысле например равноправной федерации колоний и метрополии) и социальные (переворот в распределении покупательной способности различных классов), могут спасти её и нас от роковой необходимости борьбы на жизнь и смерть. Такая борьба между лендлордом и капиталистом с одной стороны и русским мужиком с другой предписывается всею логикой истории обоих государств.

Источник: Южаков С. Н. Англо-русская распря. – СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1885